

Слияние

Виктор Балахнин

Восславим свободу!

Сердце мое ликует в этот светлый день! Настал час исполнить гражданский долг, отправиться на выборы и отдать свой голос за партию, за нашего будущего президента. О, благословенна будь страна, где я имею эту возможность, эту священную свободу выбора! И как же горько осознавать, что есть те, кто клеветает на наше государство, обвиняя выборы в фальсификации, конституцию — в угнетении, а грядущую победу либералов — в очередной порции лжи о прекрасном и свободном мире, в котором мы якобы живем. Но я, Мария Шевалье, не внемлю злобным крикам преступников и смутьянов. Я — свободный человек, человек мыслящий!

Надеваю свою лучшую офисную блузку, строгую юбку-карандаш и черные туфли. Завариваю крепкий кофе, и пока есть время до работы, включаю телевизор. Переключаю на новостной канал «Истина» и слышу новость: «Группа террористов совершила попытку ограбления банка, прикрываясь благородным предложением — раздать награбленное бедным. Преступники задержаны полицией, это трое подростков. Теперь их судьбу решит суд. Владелец банка заявил, что это гнусное посягательство на частную собственность будет наказано по всей строгости закона. Слава демократии! Слава свободе для каждого!»

О, как же я счастлива! Эти мерзавцы пойманы! Как они посмели посягнуть на чужое, оправдываясь нуждами бедных? Разве эти деньги принадлежат им по праву? Почему они, вместо того чтобы жаловаться, не идут работать, как все нормальные люди, как я? Что это — гордыня или банальная лень? Презренные отбросы, неспособные понять величие нашей свободы, наше право на успех в этой либеральной утопии! Выключаю телевизор. Смотрю в зеркало. Еще раз приглаживаю свои длинные черные волосы, любуюсь своей белой кожей, ясностью голубых глаз. Разве не прекрасна я в свои двадцать шесть лет? Выхожу из квартиры, спускаюсь на лифте на первый этаж и оказываюсь на улице. И как же здесь чудесно! Птицы поют, солнце ласкает теплом, легкий ветерок освежает. Ничто не омрачит мой день, я уверена! Но не успеваю я пройти и пяти минут до автобусной остановки, как вижу ужасную картину: полицейские избивают какого-то несчастного. Какой-то хилый парень... Наверняка заслужил, думаю я, но любопытство берет верх. Подхожу к стражам порядка и с

улыбкой спрашиваю:

— О, доблестные защитники нашей свободы, что же натворил этот малец, что вы так жестоко с ним обходитесь?

— Да ничего особенного, мисс, просто этот негодяй позарился на хлеб лавочника. Говорит, что он беден и не может найти работу без образования, а чтобы получить образование, нужны деньги. Вот и решил, что украсть — проще всего, — отвечает один из полицейских.

— Либерализм дал ему право подрабатывать на любой работе, пусть и не самой прибыльной! Но ведь дал! А он ищет оправдания, говорит, что не может найти работу без диплома. Наверное, хочет, чтобы ему сразу предложили должность по душе, мерзкий бездельник! — выпаливаю я.

— Милая гражданка, я с удовольствием послушал бы вашу гневную речь, но нам пора доставить этого юнца в участок, пусть посидит и подумает над своим поведением. Радует, что в нашей стране есть такие сознательные граждане, как вы! Слава свободе! — говорит полицейский.

— Слава свободе! — восклицаю я с гордостью.

Дохожу до остановки. Через несколько минут подъезжает автобус, полный таких же граждан, как я. У всех разные галстуки, но во взглядах — восторг, внутренняя гордость, которую чувствую и я. Уверена, в душе они кричат: «Слава свободе!»

Сажусь в автобус и еду к избирательному участку. Сегодня мне предстоит выбрать партию. Всего их три: либерально-демократическая, либерально-социалистическая и либерально-консервативная. Честно говоря, я не особо разбираюсь в их программах, но для меня важно одно: все они придерживаются принципа дарования свободы. Ведь никто, кроме партий, не способен дать нам это право. Сами мы, без лидеров, без партий, не сможем отстоять свои права. А кто тогда будет давать права государству, обеспечивать функционирование системы? Вот именно! Нам нужна партия, желательно демократическая, с депутатами от народа. Они точно не способны на ложь, не предадут идеалы свободы. Главные наши враги — анархисты. Мерзкие клеветники, посягающие на государство, на право, на конституцию, на частную собственность! Сколько красивых лозунгов, а сколько пагубных дел! Как бы хотелось, чтобы их всех поскорее пересажали...

Приезжаю на избирательный участок. Голосование проходит в большом здании. Внутри душно, много людей. Захожу в кабинку, беру бюллетень. В верхней части листа броский лозунг: «Новая свобода в новом 2078 году». Ставлю галочку напротив либерально-консервативной партии. Бросаю бюллетень в урну. Не понимаю, почему до сих пор нельзя голосовать онлайн, это было бы намного удобнее...

Выхожу из здания и вижу на парковке роскошную машину. Красный «Oyster» — самые красивые и необычные машины делает только эта компания. И вдруг... меня охватывает зависть. Насколько я знаю, эти машины стоят целое состояние. Чтобы купить такую, нужно пахать лет десять! А я работаю уже четыре года, но цены на автомобили все растут и растут, и моя мечта о личном транспорте кажется все более несбыточной.

Решаю прикоснуться к машине, но в тот же миг меня пронзает сильный электрический ток! Я не могу оторвать пальцы от капота. Голова... как же больно! Чувствую сильное напряжение, пытаюсь позвать на помощь, но не могу — голосовые связки

словно парализованы. Боль становится невыносимой. Что-то происходит в моем мозгу, он растет? Сейчас потеряю сознание или... Взрыв. Мой мозг разлетается на куски, вместе с ним на стекло машины падают остатки черепа. Кровь струится под автомобиль. Это конец.

@3Fo5/QZw — M!pIQ — F4U2@%Vt.

Я очнулась, словно от толчка. Взгляд упёрся в потолок — чужой, угрюмый, серый. Неужели больница? Или, быть может, я уже по ту сторону, и это агония умирающего сознания? Дрожащей рукой коснулась лица — на месте. Голова тоже. Решилась подняться, медленно, боясь спугнуть призрачное равновесие. Не знаю, в каком состоянии мое тело, но оно казалось... слишком молодым. На десять лет моложе. Голова не болела, но сердце... оно молчало. И этот безмолвие пугало до дрожи.

Наконец, оторвав взгляд от пола, я окинула комнату. Не больница. И не мой дом. Одна - единственная комната, заставленная старомодными тумбами, увешанная поблекшими картинами. Осколки разбитых ваз, увядшие цветы, и... механическая рука. Чья-то потерянная конечность, брошенная, как ненужная вещь. Слева — дверь. Наверное, ванная. Справа — окна, плотно задернутые тяжелыми шторами. Они казались непроницаемыми для звука, настолько, что я слышала только свое дыхание и эту звенящую, мертвую тишину. Надо мной нависала люстра, готовая обрушиться в любой момент, разнести мой череп вдребезги...

Я встала. На мне был рваный халат, пропитанный запахом тлена и крематория. Легкость в теле соседствовала с головокружением. Одно неверное движение — и я рухну, ударившись о край близкой тумбы. Нужно умыться. Дверь в ванную отворилась с мучительным скрипом, являя взгляду картину запустения: ржавчина, выцветшие обои, грязный унитаз и такая же ванна. Подойдя к зеркалу, я увидела в мутном отражении незнакомку. Короткая стрижка, вместо привычной длины волос. Черные пряди, сальные, словно не мытые целую вечность. А глаза... что-то не так. Левый глаз — кристаллик зрачка налился красным цветом?

Я всматривалась в свое отражение, пока в голове не раздался голос. Чужой. «Ты наконец проснулась». Страх сковал тело. Я метала взгляд по потолку, по стенам, пытаюсь понять, где прячется говорящий. Ощупала уши — ни наушников, ни микрофона. Выбежала в коридор — пусто. Только старая, ржавая дверь. Голос снова зазвучал:

— Объект: Мария Шевалье. Цель: месть. Мотивация: не#на@ви+сть.

— Кто здесь?! — сорвался крик с моих губ.

— Это я, твой спутник в твоей голове. Машина. Искусственный интеллект. Зови меня как хочешь.

— Что... за бред? Как ты попал в мою голову? Что со мной случилось? Это после взрыва? Где я?! — Я металась по комнате, не в силах унять дрожь и собрать мысли воедино.

— Слишком много вопросов. Я отвечу на них, но сначала сядь на кровать и успокойся, — голос звучал ровно, безэмоционально. С неохотой я подчинилась.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, я спросила:

— Ну, теперь ты мне скажешь, что происходит?

— Ты умерла, Мария. Но я тебя спас. И вот ты здесь.

— Значит, голова все-таки взорвалась... — прошептала я.

— Нет. Это всего лишь побочные эффекты нашего с тобой слияния. Твой мозг и не

такие сны выдавал, поверь, бывало и хуже.

— Какого слияния?

— Ты умерла давно, в 2078 году. Тебя сбила полицейская машина, когда ты переходила дорогу. Было ли это случайно — не важно. Важно то, что твое тело отправили на свалку. Туда попадали все, кто не мог позволить себе могилу. Твой труп гнил там, среди хлама и забытых душ, о которых никто и никогда бы не узнал. Но спустя двадцать лет я нашел тебя. Я был маленьким металлическим жуком, которому было поручено вселиться в чей-то труп, оживить его и вместе выполнить поручение моего создателя.

— Я... ха-ха, это смешно! Вы просто преступники, психи, которые издеваются надо мной! Но погодите, сейчас я позвоню в полицию, и свобода вас уничтожит! — С этими словами я бросилась искать телефон.

— Ах да, твоя любимая полиция. Ты все еще веришь ей, после того, что они сделали с твоим телом? Или ты все еще веришь, что государство о тебе позаботится? — Голос звучал зловеще.

— Да, верю, черт возьми! Вся эта чушь про двадцать лет мертвой — лишь маскарад слов и ваших больных шуток!

— А если я покажу, что случилось с твоим государством, со свободой, которую ты считала таковой? Я покажу, во что превратилось твое место и кем стали люди, подобные тебе? Подойди к шторам. — Я подчинилась. Может быть, он говорит правду. Хотя выбора у меня все равно нет.

Он распахнул шторы. Передо мной открылось... гетто. Серое, унылое, с полуразрушенными зданиями. Вдали возвышалось огромное сооружение, похожее на цитадель в форме пирамиды с римскими колоннами. На самой вершине красовалась эмблема факела, который держит рука, а над рукой надпись: «Слава свободе». Небоскребы были безвкусными, и явно не для жилья. Все это находилось за огромной стеной, а я — за ней. Дождь барабанил по стеклу.

Минуту я стояла, замороженная этим зрелищем. Затем голос снова заговорил:

— Ну что, теперь ты веришь мне?

— Это безумие... я... — Я колебалась.

— Видимо, ты все еще не хочешь принять все за правду. Ладно, я хотел сделать это позже, но, похоже, придется сейчас. Будет немного больно, и ты, скорее всего, отключишься, так что советую лечь.

— Что ты собираешься сделать?! — спросила я с тревогой.

— Я хочу загрузить в тебя все знания об этом мире и о многом другом. Твой мозг будет создавать нейроны слишком быстро, тебе будет плохо, — предупредил он.

— Похоже, выбора у меня нет. Ладно, может, после этого я все пойму. Но не думай, что я тебе доверяю. — Я легла на кровать и закрыла глаза.

Через мгновение меня пронзил сильный импульс. В голове бушевал шторм, ощущение, будто она вот-вот взорвется. И я... провалилась в глубокий, беспробудный сон.

Понимание — Ненависть — Слияние.

Я пробудилась. Открыв глаза, я увидела плотно задернутые шторы, сквозь которые робко пробивались солнечные лучи. Целая ночь пролетела в беспамятстве, в глубоком, непробудном сне. Поднявшись, я ощутила на себе лишь нижнее белье, и

чтобы понять, куда исчезли мои вчерашние лохмотья, окинула взглядом комнату. Ни следа... Странно. Впрочем, сейчас это неважно. Главное — узнать, как призвать «его».

Голова раскалывалась от боли. Помню, «он» говорил о слиянии, об обретении знаний, необходимых, чтобы понять, что вообще происходит. И он не обманул. Откуда-то я вдруг знаю о хомопереформировании — слове, которого никогда прежде не слышала. Это процесс трансформации человека в нечто иное, гибрид органики и металла, переплетенный проводами. В голове вспыхнули знания об идеологиях, о событиях, развернувшихся здесь, пока я спала. Судя по всему, произошло нечто ужасное.

Все началось в 2078 году, с тех самых выборов, что перевернули мир с ног на голову. Победу одержала либеральная партия консерваторов. Придя к власти, они провозгласили своей целью освобождение всего мира и начали подготовку к войне с соседями. За этим последовала затяжная, кровопролитная бойня без победителей. Истощенные стороны заключили шаткий мир. Сражение велось на два фронта, в том числе и с государствами, разделяющими схожие идеалы с нашей республикой. Вскоре правительство объявило о тотальной свободе в стране. И вот, перед нами предстала огромная тюрьма, где процветает нищета, где богачи жируют, а людей и машины эксплуатируют до предела, чтобы удовлетворить аппетиты высших и средних классов. Недовольных бросают за решетку — во имя единства, свободы и демократии. И безумцы в этом государстве все еще ходят на выборы. Почему? Что ими движет? Ответа нет... Кажется, эти данные повреждены.

Я распахнула шторы. Яркий свет ударил в глаза, причиняя острую боль. Вновь посмотрела на огромную пирамидальную цитадель, возле которой парил дирижабль, напоминающий копьё Посейдона. «Что же мне делать в этом новом мире, в этом лживом мире, который всегда обманывал меня, который диктовал свои условия? Что мне делать?..».

Пока я размышляла, внезапно раздался его голос:

— Наконец-то ты проснулась.

— Похоже, я очнулась быстрее тебя. Где ты был? — спросила я.

— В твоём мозгу. Просто после слияния я немного разрядился и ждал восполнения энергии.

— Мне интересно, правда ли, что я получила все знания, даже те, о которых не подозревала?

— Я передал тебе знания моего создателя, а он был далеко не глуп. Теперь ты знаешь все об этом мире, умеешь обращаться с оружием и многое другое. Но, к примеру, твои познания в кулинарии весьма скудны, увы.

— Похоже, твой создатель не был большим любителем готовить, — улыбнулась я. — Но зачем мне все эти знания? Чего ты от меня хочешь?

— Мы хотим, чтобы ты освободила людей и машины. Ты уже знаешь, что тебя обманывали, что ты была жертвой лживой демократии и пропаганды. Тебя, как и остальных, эксплуатировали, а ты не могла позволить себе даже автомобиль из-за нестабильной экономики. И это продолжается до сих пор, гайки закручены еще сильнее. В этом мире тебе не будет покоя. Разве это не значит, что ты должна стать революционером? Разве эта информация не вызывает в тебе ненависть?

— Она кипит во мне! Но я не знаю, что делать. Почему эта ноша свалилась именно

на меня?

— Скажем так, тебе просто повезло. Твой мозг сохранял свою форму пятнадцать лет, прежде чем я смог вселиться в него. Два года я ждал на свалке его восстановления с помощью моих махинаций. Затем, перехватив контроль над твоими органами, я привел тебя сюда. Твоя цель: уничтожить это государство и помочь людям и машинам. Сделать это можно разными способами, но в одиночку тебе не справиться. Мой совет: найди союзников.

— Где мне их взять? Из толпы рабочих?

— Это бесполезно. Они невежественны, не умеют ни читать, ни писать, только смотреть.

— Как же так? А школы?! — удивилась я.

— Это не имеет значения. Люди рождаются в домах свободы, и кому какая профессия выпала, тот до конца жизни на ней и работает. Чтобы не тратить деньги на образование, им просто каждый день показывают одни и те же видеоуроки о том, что нужно делать на фабрике.

— Ужасно, отвратительно! Они даже не спрашивают их мнения, держат их разум в пустоте... Что за чудовищная система! Но как же, будучи необразованным стадом, люди все еще голосуют?

— Все это фикция. Они не понимают, что такое голосование, за кого они голосуют и так далее. Но это неважно, потому что побеждает партия, проводящая ту же политику в отношении людей и экономики. Пропаганда твердит, что они свободны, что выборы — их долг, за несоблюдение которого их ждет наказание: печь, свалка или тюрьма.

— Видимо, и правда, в этом несправедливом мире меня не ждет праздная жизнь. Раз уж я знаю правду — будем действовать. У тебя есть предложения, где я могу найти союзников? Есть ли вообще какая-нибудь оппозиция?

— Есть одна группа, очень хорошо зашифрованная. Я знаю о ней, потому что мой создатель был ее предводителем. Мы можем попытаться договориться с ними, если хочешь. Есть и другой вариант: создать четырех искусственных людей.

— Как это?

— Государство уничтожает людей, и скоро их может остаться совсем мало. Но ученые продвинулись в области искусственного клонирования, или, точнее, оплодотворения. Для этого нужна всего лишь кровь человека, содержащая ДНК, которая послужит основой для будущих созданий.

Дослушав его, я снова посмотрела на цитадель. Если уж существовать в этом мире, то только в ином, в мире для всех по-настоящему свободных людей. Эту чудовищную систему необходимо уничтожить, разжечь пламя революции! Впереди война, и мне понадобятся все: мои будущие «дети», выращенные искусственно, роботы и люди. Первым делом нужно создать верных мне сыновей и дочерей, а затем найти революционеров. Но для начала нужно вооружиться и приодеться.

— У нас есть оружие? — спросила я.

— Ты и есть оружие.

— Что это значит?

— Посмотри на свои руки, на предплечья. Видишь эти точки? Я оставил их, чтобы тебе было легче ориентироваться. Здесь ты можешь активировать свою истинную

сущность, сущность, не похожую на обычного робота или человека. Найди в своих данных раздел «предплечья» и включи его.

Было страшно, но я попыталась. Нашла команду «отделить», и моя рука... отделилась на пять метров, распавшись на пять частей, словно ее разрезали ножом. Под кожей — металл и провода, странное устройство, удерживающее всю конструкцию вместе. Я чуть не упала в обморок от увиденного, но взяла себя в руки. Направила руку в сторону старой тумбы и ударила. БАМ! Тумба разлетелась в щепки. Решив проверить свою силу, я направила руку в сторону стены. БАМ! В стене появилась огромная трещина. Невероятно!

Мне стало интересно, на что я еще способна, но сначала...

— Я могу дать тебе имя?

— Меня зовут LI51. Но если ты хочешь...

— Ты говоришь как мое второе «я», как если бы у меня была шизофрения. Я считаю тебя живым существом, живущим во мне, и ты имеешь право на имя. Я думаю... Назову тебя Майкл.

— Ну, я ожидал чего-то более оригинального, но и это вполне подойдет.

— Итак, Майкл, расскажи, что я еще умею?

— На спине у тебя четыре отверстия. Я рассказывал тебе, что до того, как вселиться в тебя, я был маленьким жучком, точнее, металлическим паучком, который проник в твой мозг. У меня были лапки, и теперь, благодаря слиянию, они есть и у тебя. Они длиннее, мобильнее и опаснее.

— Круто! И как их использовать?

— Найди функцию «паук», и они откроются.

Я нашла ее, и из моей спины начали выползать металлические лапы. Зрелище было жутким, но почему-то мне становилось приятно... Словно я получила что-то божественное и в то же время материальное. Я попыталась походить с ними по комнате. Ощущалась легкость. Захотела, чтобы они подняли мое тело в воздух — и это тоже получилось. По всей видимости, с их помощью можно будет легко передвигаться по стенам и обходить препятствия. Закончив с этим, я спросила:

— Что насчет одежды?

— Посмотри в шкафу, может, там что-нибудь найдется. Этот дом заброшен, так что я не могу предложить тебе ничего полезного.

Я подошла к шкафу и увидела черную кожаную куртку, черные джинсы и черные сапоги. В нижних ящиках нашла красную футболку. Одевшись, я сказала Майклу: «Пора идти». Выйдя из квартиры, меня ослепили лучи солнца.

Менты — Лаборатория — Дети.

Солнце нещадно било в глаза, но я надеялась привыкнуть к этой пытке светом. Лишь сейчас я заметила, как мой частный дом выделяется своим суровым минимализмом среди руин, и как жалко зеленеет небольшая грядка с флорой позади него. Выйдя наружу, я сразу же споткнулась о зияющие дыры в дорогах, словно их разворотили взрывами. «Почти угадала,» — прозвучал голос Майкла. Вокруг возвышались полуразрушенные здания, заваленные мусором, обломками роботов и обугленными остовами автомобилей. Я обратилась к Майклу:

— Из воспоминаний, я так понимаю, это был когда-то город?

— Теперь это гетто. Здесь всё искорежено войной с партизанами. Когда война с

государствами затянулась, они решили показать своё лицо. Против них бросали полицию, армию, но этого оказалось недостаточно. Пока государство тратило ресурсы на войну, партизаны готовились, и в конечном счёте начали наступление. Но их не подавали, правительство решило, что этот район большого города можно разбомбить артиллерией, из-за чего революционеры ушли под землю. Вышли ли они оттуда сейчас... не знаю.

— Да уж... чтобы удержать власть, они готовы бомбить собственные города, не щадя никого, — прошептала я, ощущая горечь в каждом слове.

Я двинулась влево. Майкл сказал, что там находится заброшенная секретная лаборатория, где занимались клонированием. Цела ли она? Неизвестно. Но исходя из данных, здание было построено из прочных материалов, оставалась лишь надежда. Вскоре я заметила магазин — обычная канцелярия. Зная, что там могут найтись иголки и нитки, я решила зайти. Мне отчаянно хотелось сшить майку со специальными отверстиями для моих паучьих ножек, чтобы больше не мучиться, переодеваясь каждый раз.

Но и здесь все почти разрушено. Подле дверей валялись тележки, сумки, обгоревшие машины и... трупы. Маленькие души... смотреть на них было невыносимо. Хотелось разрыдаться, но я не могла. Может быть, это связано с тем, что я уже не совсем человек. Возможно, мои функции, даже такие простые, как плач, навсегда утрачены. Я приблизилась, и вдруг услышала чьи-то шаги. Затаившись за сгоревшей машиной, я присмотрелась киберглазом. Это были менты.

— Какого хрена они здесь забыли?! — прошептала я Майклу.

— Возможно, патрулируют. Кажется, правительство хочет вернуть эти развалины себе.

— Их трое. Что мне делать? — спросила я.

— Убей, — сухо ответил он.

— Ты с ума сошёл?! Я даже драться не умею!

— Умеешь. И стрелять умеешь. Всё это передалось от твоего бывшего создателя. Не забывай об этом.

— Ладно... попробуем. Вон, один отошёл отлить.

Я подкралась к полицейскому, пока он был отвлечён. Решила попробовать вырубить его голыми руками. Размахнулась и... ударила по шее. Хрясь! Бля... Я не ожидала, что они ещё способны расчленять органику... Ему оторвало голову, и он рухнул. Мне... это понравилось. Но времени на наслаждение нет, нужно обыскать его. Нашла пистолет, стреляющий бронебойными электрическими пулями. Мощное оружие.

Полицейского звали по рации. Понятное дело, они заподозрили неладное после такой долгой тишины. Я взяла пистолет и решила обойти здание, чтобы зайти к врагу с тыла. Потратила время, но, заняв удобную позицию, взяла их на мушку. Они рассматривали труп. Нужно кончать с ними как можно скорее, пока не прибыло подкрепление. Выстрелила в одного, пробив бронежилет насквозь. Второй успел укрыться за стеной, но ненадолго. Вот он высовывает ногу — бах! — и она разорвана. Впрочем, убивать его я не собиралась, мне нужно кое-что узнать. Подошла к нему, слыша вопли. Он пытался прицелиться, но я выбила пистолет и отбросила его. Затем

схватила его руку и вывернула на 360 градусов. Снова крики.

— Кто ты?! — прорычала я.

— Ах ты сука, будто не знаешь, тварь из сопротивления! — прохрипел он, извиваясь от боли.

— Я не из сопротивления, поэтому и спрашиваю. Кто вы?! — я надавила на рану.

— Мы из полиции «Стражи Свободы». Неужели на нашей форме не видно?

— Ты не в том положении, чтобы остричь. С какой целью вы в этой части города?

— У нас патруль. Проверяли местность на наличие жизни. Хотели сначала отправить дронов, но штаб поскупился. Сука, больно! Сжался над раной! — казалось, он вот-вот заплачет.

— Только патруль и всё?

— Нам дали данные о какой-то лаборатории. Нужно было проверить её и доложить в штаб о состоянии здания.

— Где эти данные?

— Вот, в этом планшете, — он показал мне устройство.

Я... не знаю, как это вышло... почти отделила свою шею от головы и начала сканировать всё, что было в планшете. Ничего особенного, только данные о местоположении лаборатории. Закончив сканирование, я посмотрела на полицейского. Он был в ужасе. Спросил: «Что ты такое?», а я смотрела ему в глаза, и меня захлестнула волна ненависти. Сжала его голову в руке. Слышала, как трескается шлем, а вместе с ним и череп. Кровь хлынула потоком.

Отойдя от трупов, я посмотрела на свою левую руку, которой раздавила голову менту. Она была в крови. Несколько секунд я смотрела на неё, и вдруг мой киберглаз начал мигать, наливаясь красным цветом. Это было странно.

— Что с моим глазом? — спросила я Майкла.

— С нашим глазом... Не знаю. Не помню, чтобы он так светился и краснел.

— Ладно... Будем надеяться, что это просто реакция на кровь. Что думаешь об этих данных?

— Считаю, нам нельзя терять время. Нам повезло, что патрульных было всего трое. Но об их исчезновении скоро станет известно, и сюда пришлют ещё людей. Не хочешь прибраться за собой?

— Если они подумают, что те просто долго не выходят на связь, а потом найдут трупы, это ситуацию не изменит. Они просто будут подозревать партизан, которые ещё здесь прячутся.

— Учитывая, как ты обошлась с полицией... ладно, тебе решать.

Закончив диалог, я направилась к канцелярии. Внутри царил хаос. Некоторые полки опустели. Я заметила ручку и решила посмотреть ценник: сто пять шлефенов! Да, за такие цены и жить расхочется. Как я умудрялась не замечать в прошлом такие завышенные цифры... Нашла нужные мне вещи: четыре больших мотка ниток и булавку. Спрятав их в карман кожаной куртки, я вышла и двинулась к цели.

Идя по разрушенным дорогам, я увидела едва уцелевший мотоцикл. Красный, с торчащими трубами, достаточно длинный, чтобы вместить троих человек. Фары разбиты. Подошла к нему, и вдруг почувствовала боль, тоску, словно потеряла самого близкого друга. Чтобы я испытывала такие чувства к сломанной машине... Впрочем, хоть он и выглядел ужасно, я решила проверить мотор. Если он цел, можно будет

оставить себе этого мальчика, починить и быстро передвигаться. Прикоснулась к рулю, и меня ослепил белый свет. Воспоминание. Вот он, целый и невредимый, стоит на парковке. Мимо проходят люди, но вдруг они начинают бежать, кричать, спасать детей. Видны падающие снаряды, кажется, артиллерия. Но он ведь не может убежать! Снаряды слишком близко... Хватит, вы же ломаете его своими выстрелами! Осколок попал... Я чувствую его боль. Мне тоже невыносимо. Больше не выдержу, хватит! Моя рука резко отскочила от руля. Воспоминание закончилось. Но он... задымился. Кажется, сломался окончательно. Он умер! О, горе! Я подошла к нему, обняла и прошептала: «Я отомщу за всех вас! Я вас спасу!»

Через секунду услышала голос Майкла:

— Ты жалеешь этот мотоцикл?

— Он мне как собственный ребёнок, которого у меня никогда не было. Не знаю, у меня никогда не было таких чувств к машинам, но сейчас... Я хочу плакать, но почему не могу? — спросила я Майкла, глядя на обгоревший остов.

— Твои киберглаза не способны вырабатывать слёзы. Думаю, это справедливый обмен, учитывая возможности, которые они тебе дают.

— Снова... он снова покраснел и мигает. Может быть...

Я оглянулась. Никого. Покинув погибший мотоцикл, я направилась к лаборатории. Вскоре я оказалась перед огромным зданием. Многоэтажное, с выбитыми окнами и разрушенными верхними этажами. Обломки окружали его со всех сторон. Майкл сказал, что здесь располагалась секретная лаборатория корпорации «Life», где проводились исследования в области клонирования и искусственного создания человека. Я вошла в здание. На первом этаже царил хаос: разорванные бумаги, сломанные столы... Нам предстояло спуститься вниз. И хоть надежды на то, что лифты работают, не было, я всё же подошла к одному из них. Не работает, конечно! Во-первых, нет электричества. Во-вторых, скорее всего, нужна специальная карта, так как, по словам Майкла, цокольный этаж с лабораторией был доступен только для специального персонала.

Мне пришла в голову грубая, но действенная идея. Активировав свои руки, я направила их на дверь лифта и открыла её. Войдя внутрь, я проделала то же самое с полом. Бам! Путь открыт. Но спуститься туда без лестницы будет сложно. Однако Майкл предложил использовать паучьи ноги. Оставив куртку на первом этаже, я активировала ножки и начала спуск в лабораторию.

Внизу меня ожидали двери. Видимо, запасные, на случай незваных гостей в лифте. С ними я тоже разобралась. Войдя внутрь, я увидела длинный коридор, ведущий к большой автоматической двери.

По обеим сторонам коридора тянулись комнаты с прозрачными окнами, за которыми виднелись разнообразные исследовательские инструменты. В помещениях царил идеальный порядок, и даже следов насилия обнаружено не было.

Я приблизилась к массивной двери. На вид она казалась прочной, и, чтобы убедиться в этом, я нанесла удар — небольшая вмятина. Второй удар! И вот, пролом, сквозь который мои механические конечности завершат начатое и откроют мне путь. Внутри я обнаружила четыре пустые капсулы, соединенные с каким-то странным устройством, напоминающим кейс с длинными пробирками, множеством тонких шлангов. В комнате также находились выключенные компьютеры, разряженные

камеры, переплетение проводов и одинокий металлический стул.

Я обратилась к Майклу:

— Что нам теперь делать?

— Подойди к компьютерам. Возможно, там найдется нужная нам информация.

— Но здесь нет энергии. Как они заработают?

— Твои руки способны проводить ток. Возможно, тот случай с мотоциклом произошел из-за статического разряда, который ты непроизвольно передала ему.

— Стоит попробовать.

Я подошла к компьютерам. Мониторы оставались темными, но стоило мне прикоснуться к корпусу одного из ПК, как он ожил! Невероятно, все мониторы подключились. Я спросила Майкла:

— Почему ты не сказал мне об этом раньше? Возможно, я смогла бы активировать лифт?

— Это невозможно. Во-первых, он приводился в действие не энергией, а старомодным механизмом. Вероятно, ученые таким образом пытались обезопасить себя от современных взломщиков. А во-вторых, крепления лифта были сломаны. Даже если бы ты активировала его, он бы не сдвинулся с места.

— Ладно, сейчас я быстро просмотрю данные, оставленные этими учеными в компьютерах.

Я подключилась к сети. Поиск информации занял около двух минут. Здесь говорилось, что исследования в области клонирования и выращивания людей достигли такого уровня, что достаточно перелить кровь через трубки в большие капсулы, и с помощью принтера начнется процесс формирования человека, анализируя ДНК донора. Создание человека происходит быстро, и клоны практически не отличаются от донора, однако самому донору потребуется предоставить достаточное количество крови, если он хочет создать несколько копий.

Прочитав все это и отключившись от сети, я обратилась к Майклу:

— Насчет крови ты был прав. Но мое тело почти полностью состоит из металла и проводов, особенно мои вены. Если у меня почти нет крови, что нам делать?

— Механическое строение имеют только твои внутренние органы, а не внешняя кожа. Я произвел слияние, но твои волосы, кожу, ногти оставил в органическом состоянии. В твоей коже достаточно крови, чтобы заполнить пробирки. Видишь вон тот шприц? Возьми кровь из своей кожи и залей в колбы, затем запусти машину.

Послушав Майкла, я взяла шприц, лежащий на столе возле стула. Взяла пробу раз, залила в одну из колб, затем повторила с оставшимися двумя. Запустила устройство: кровь начала течь по трубам, послышались звуки работы больших капсул. Я была в предвкушении от того, что мне предстояло увидеть — своих собственных детей! Не то чтобы я мечтала в прошлом о семье, но вот так... да еще и искусственно. Я заметила, что принтеры начали работать, и в капсулах начали формироваться подобия ступней. Все конечности создавались в строгом соответствии с анатомией: кишечник, капилляры, кости, глаза...

Когда все закончилось, капсулы открылись. Передо мной стояли две девушки и двое мужчин. На удивление, только одна из девушек была моей точной копией, другая отличалась цветом волос — они были каштановыми, а глаза — зелеными. Оба мужчины были брюнетами, но у одного были голубые глаза, а у другого — карие. Я спросила

Майкла:

— Почему некоторые из них отличаются?

— Так как я проводил с тобой слияние, и передал тебе знания моего создателя, к тебе перешла частица его ДНК. Вероятность передачи ДНК была невелика, но тебе, видимо, повезло.

— Повезло?! То есть я даже не полностью я, а лишь частично себя даже в ДНК? Сначала тело, а теперь и мое древо? Это что же... я еще и не напрямую контактировала с твоим хозяином?...

— Считай это как знаешь, но факт остается фактом. Поэтому не удивляйся, что в твоих созданиях есть частица другого человека.

— Как вообще получилось так, что ДНК твоего создателя передалась мне, если ты механический?

— Это была всего лишь кровь, для подпитки твоего почти мертвого организма, когда ты лежала на свалке. Я хранил ампулу в своем маленьком отсеке, и маленькой дозы хватило для того, чтобы начался процесс кровообращения и восстановления твоего мозга. То, что тебе передалась его ДНК, — чистая случайность, которой не должно было произойти. Но ДНК не играет никакой роли для тебя и твоих знаний, потому что только благодаря слиянию и передаче в мозг данных создателя ты получила ту информацию и те умения, которые пригодятся в будущем и сейчас.

Пока я хмуро смотрела на своих, или не совсем своих, «детей», одна из девушек подошла ко мне. Это была моя почти точная копия, и она сказала:

— Вы наша мама! — она смотрела мне в глаза.

— Да, дочь моя... — я потрогала ее волосы, они были длинными, как у меня раньше, и черными.

— Нет, она наш папа! — выпалила другая девушка, и я удивилась.

— Нет, она мама анархия! — сказал мужчина с голубыми глазами.

Я смотрела на них с удивленным взглядом. Почему они называют меня по-разному? Я обратилась к Майклу:

— Что за чертовщина? Почему одна называет меня как положено, другая — папой, а третий — вообще мамой анархией?

— Как ты могла заметить, эти создания способны сразу общаться, и у них есть те знания, которые передала твоя кровь. По сути, они получили и ДНК моего создателя, и у некоторых ломается понимание того, что ты такое и как тебя называть. Мама анархия... это символическое создание у революционеров, и мой создатель был из тех, кто верил, что подобное создание есть в нем. Мистика, но она овладела им, и, кажется, это знание передалось одному из детей, и вместо обычной матери или отца он предпочел выбрать третий вариант.

Странно, но четвертый субъект вообще молчал, даже не пытаясь назвать меня хоть кем-то. Я подошла к нему и спросила: «Кто я, по-твоему?» и он ответил: «Не знаю». Я свистнула, и все они обратили на меня внимание. Стоило дать им имена, чтобы было удобнее. Но... они запротестовали и сказали, что хотят сами выбрать себе имена. Удивительно! Первая, что похожа на меня почти в точности, назвала себя Жозефиной; вторая, с каштановыми волосами, — Евой; третий, с голубыми глазами, — Джорджем; а четвертый... В4, очень необычно. Как только они закончили, я начала

говорить:

— Так, раз у вас уже есть имена, стоит разобраться с тем, как вам меня называть. Запомните: я ваша мама.

— Я же говорила, что она мама! — сказала Жозефина.

— А я все же считаю ее папой! — сказала Ева.

— Она мама анархия, и точка! — сказал Джордж.

— Всем тихо! — крикнула я. — Я ваша мама, и если хотите, можете звать меня Марией. Когда я это сказала, двое из тех, кто хотел меня называть по-другому, кивнули в знак согласия. Я заметила, что они на протяжении всего диалога стояли голые. Это немного смущало, да и холодно должно быть им, хотя по их лицам и не скажешь. Думаю, если не упоминать, что они голые, они и дальше будут способны ничего не чувствовать... Я осмотрела помещение в надежде, что, может, здесь остались чьи-то вещи: возможно, халаты ученых, обувь или хоть что-то. Я заметила шкаф. Он был заперт, но это не проблема. Открыв его, я увидела, что внутри висит пара спецкостюмов. Не знаю, для кого они были предназначены, но они были зеленого цвета. Я достала их, раздала своим детям, и, к моему счастью, им всем подошло по размеру. Обувь не было, так что придется им пока что быть поосторожнее на поверхности. Мы вышли из лаборатории. Понимая, что лифт сломан, мне пришлось вытаскивать их по одному, карабкаясь вверх с помощью паучьих ног. Когда я всех дотащила на поверхность, я надела обратно свою куртку, и мы вышли из здания. Далее мы направились ко мне домой.

Через два часа и сорок минут мы прибыли в мое логово. Уже стемнело. Учитывая, что у нас особо не хватало места для сна, пришлось потесниться. Прошлые хозяева — а именно хозяева — купили большую кровать. Поначалу я даже не замечала этого, но она могла вместить до четырех человек, что немало. Когда они легли спать, я решила немного проветриться.

Выйдя на улицу, я попросила Майкла скинуть мне местоположение ближайшего магазина одежды. Получив координаты на свою внутреннюю карту, я направились к цели.

Это было недалеко, а на улице было тихо. Разве что ветер гудел из щелей разбитых машин и разрушенных зданий. Меня беспокоил один вопрос, касающийся моих детей: что мне с ними делать, насколько они хороши? Ведь в отличие от меня, они состоят из органики, и их силы явно ограничены, и они не настолько способны противостоять врагу, как я. И насчет моего глаза: почему иногда он все же мигает? Что его беспокоит? А может ли быть такое, что я... хотя нет, эту мысль лучше оставить на потом.

Я дошла до магазина. Войдя в него, я увидела ту же картину: кругом разруха и гибель. Я немного походила по нему, просматривая одежду, и нашла подходящие вещи. Для Жозефины я возьму красные джинсы, черную кепку, черную футболку и красную кожаную куртку, а также черные ботинки. Для Евы — желтую водолазку, черные джинсы, черные ботинки, синюю кожаную куртку. Для Джорджа — зеленую водолазку, зеленые джинсы, камуфляжные ботинки и черную куртку. Для В4... кажется, он будет ходить во всем черном: черная водолазка, черные джинсы, черные ботинки и черная куртка. Вообще, если мне придется отправлять их куда-то, желательно, чтобы они были во всем черном, для маскировки, но, видимо, этот цвет был давно

востребован, и нашлось то, что нашлось.

Возвратившись домой, я почувствовала усталость. После этого, я легла спать в одном из углов стену квартиры.

Проверка — Партизаны — Азбука.

На следующее утро я открыла глаза. Комната, залитая нежным утренним светом, была словно пронизана танцующими пылинками. Мой взгляд тут же упал на В4, неподвижно сидящего на кровати. Поднявшись и подойдя к нему, я тихо спросила: — Доброе утро, В4. А где остальные?

— Они... там, снаружи, носятся возле дома, на крыше скачут, — пробормотал он, избегая моего взгляда.

— Прямо как настоящие дети... — пронеслось у меня в голове. — А ты почему не с ними?

— Не хочу. Мне спокойно здесь, дома. Да и не то чтобы я жаждал этих развлечений...

— В4... — я взяла его ладонь в свою. — Ты должен понять, мы живем не в мире, где можно безмятежно сидеть дома, попивая чай и смотря телевизор. Нам нужно двигаться, бороться! Я понимаю, что тебе это сложно принять, но такова наша суровая реальность, и наша цель — изменить её, понимаешь?

— Понимаю. Но что делать нам, твоим созданиям... Ведь мне кажется, что ты создала нас не для любви, а чтобы использовать, а потом просто забыть...

— Я... нет, ты ошибаешься! Да, вы мне необходимы, но я люблю вас, как своих детей. И когда все закончится, я отпущу вас на свободу, вы станете по-настоящему свободными. И пока я рядом, вам не о чем беспокоиться, — произнесла я, глядя на В4 с нежностью.

— Хорошо. Но в любом случае, прощаться будет невыносимо тяжело, особенно с любимым человеком...

— Ну-ну, не будем о грустном. Лучше скажи, почему ты выбрал себе имя В4? Почему не Арнольд, или другое, более человеческое?

— Чтобы тебе понравилось, мама, — ответил В4, устремив на меня свой пристальный взгляд.

— Я разве говорила, что мне нравятся такие имена?

— Нет. Но мне кажется, что если бы во мне было больше машинного, ты бы любила не только меня сильнее, но и всех остальных. Но все, что я могу предложить машинного, — это имя.

— Ты хочешь сказать, что я люблю машины больше, чем людей? Или что все естественное мне отвратительно?

— Мне кажется, ты все ближе к этому, мама, — произнес он, и в его взгляде промелькнула... радость?

— Не совсем тебя понимаю, В4, ну ладно... Давай выйдем на улицу. Сегодня я проверю ваши навыки владения оружием и рукопашного боя.

— Мы вполне можем постоять за себя, но если ты настаиваешь...

Мы вышли из дома. Все были одеты в вещи, которые я им вчера принесла. Каждый занимался своим делом: Ева, к примеру, сидела на крыше и изучала город, погруженная в свои мысли. Джордж и Жозефина, от скуки, имитировали перестрелку.

Я позвала их к себе. Джордж и Жозефина отбросили свои воображаемые пистолеты,

а Ева спустилась с крыши.

— Итак, мои дети, учитывая, что вам переданы мои знания и... его... знания о многом, я хочу убедиться, что это действительно так, а именно — в вашем владении оружием. А еще мы отработаем ближний бой, — все трое обрадовались, кроме В4.

— А у нас будет настоящее оружие? — спросила Жозефина.

— Да, смотрите, — я достала пистолет вчерашнего полицейского. — Благо, магазина нам должно хватить.

Я попросила В4 принести рабочую униформу, в которой они вчера пришли, и повесить её на торчащие вертикально балки, а на самый верх — каски, найденные неподалеку от соседнего дома, где когда-то, видимо, велось строительство.

Пока он занимался этим, мы решили отработать рукопашный бой прямо на дороге. Первой вышла Жозефина. Я заметила, что она довольно бойкая. Не помню, чтобы я была такой в юности. Хотя была ли я когда-нибудь такой, какой должна была быть? Может, Жозефина — это настоящая я... Ну ладно, по идее мне сейчас сорок шесть, но ощущаю я себя все так же на двадцать шесть, да и кожа выглядит моложе, чем раньше.

Мы потренировались, и я поставила Жозефине твердую пятерку. В случае чего она сможет за себя постоять, ноги и руки работают отлично. Следующим был Джордж. Он тоже справился хорошо, даже в чем-то лучше Жозефины: его удары были быстрее, и, если бы не мое технологическое тело, мне было бы больно. Ева не уступала остальным. У нее была развита гибкость, а удары были сильными: в случае чего она могла повалить врага и с легкостью увернуться от ударов, от выстрелов. Затем вышел В4... Он словно не использовал свои силы на полную, его удары были слабее, хотя приемы он выполнял так же, как и остальные. Может, ему было неприятно отрабатывать удары на мне? Я заметила, что при каждом ударе он смотрел на дом, а не на меня. Закончив первую часть обучения, мы приступили к стрельбе. Первой была Ева. Она показала отличный результат, попав прямо в сердце и в голову, ни одного промаха. Жозефина и Джордж промахивались, но незначительно. За десять секунд они все же сумели поразить смертельные точки. В4 в стрельбе был почти так же хорош, как Ева, но допустил один промах.

Проверка завершена. Мне хотелось проверить и другие их знания, например, хакерство, но у меня не было необходимого оборудования. Ко мне подошла Ева и спросила:

— Ма, а у нас есть еда?

— Эм... в нашем холодильнике пока пусто. А вы, как я понимаю, хотите есть?

— Я хочу! Да и Джордж еще утром жаловался, что неплохо бы позавтракать.

— Сейчас, погоди, — я посмотрела на виртуальной карте ближайшие магазины. — Ага, вот. Я могу сходить за едой, а вы пока оставайтесь здесь.

— Ма, а можно я с тобой? Все равно же одной много не утащить, если, конечно, там будет что брать... — она посмотрела на меня своими умоляющими зелеными глазами, и я не смогла отказать.

По пути меня мучил вопрос: почему полицейские так хорошо владеют речью? Разве они не должны быть из низших слоев общества? Я обратилась к Майклу:

— Хэй, Майкл, мне придется говорить с тобой про себя, чтобы Ева не посчитала меня

странной...

— Боишься, что они узнают, что у тебя есть встроенный голосовой «друг»?

— Они знают, что я не совсем человек, но то, что у меня в голове еще и какой-то голос... Это будет слишком, мне кажется. Лучше пока это оставить в секрете.

— Твой В4, мне кажется, умный парень. Думаю, он догадается, что у тебя есть внутренний помощник.

— Да... он необычный. Но вообще-то я хотела спросить о полиции. Ты сказал, что большинство людей из низших слоев — это просто необразованное стадо, которое даже говорить и читать не умеет. Тогда к какому классу относятся полицейские?

— К среднему и высшему. Быть полицейским сложно, особенно в нынешнем мире. Правительству нужны обученные кадры, а они выходцы из среднего и высшего классов. Поэтому они — привилегированные люди. Они получают хорошее образование, потому что у них достаточно денег на обучение, да и бюджет на образование в полицейских академиях тратится колоссальный.

— И ведь когда-то я отдавала этим сукам свои налоги, чтобы потом они избивали людей и были востребованы в будущем... Какая же я была глупая тогда.

— А если бы ты осознала все раньше, двадцать лет назад, что бы ты сделала? Стала бы революционером?

— Думаю, что точно не осталась бы офисным работником, ходящим на чертовы ненужные выборы, выслушивающим нотации тупого босса и пьющим по утрам кофе, смотря новости.

Мы дошли до минимаркета. Место выглядело неплохо, как будто его даже не пытались бомбить. Хотя здесь были видны разбитые стекла, но это могло быть делом рук кого-то другого... Парковка была пуста, а вместо автомобилей стояли тележки. В некоторых из них были скелеты. Глядя на них, невольно представляешь лица бывших людей, сидевших в них. Например, по останкам одного мертвеца можно было заметить, что он был испуган, — естественно! — а его череп был пробит, возможно, осколком снаряда.

Мы с Евой вошли внутрь. Я не надеялась найти какую-либо провизию, у которой не истек срок годности, но попытаться стоило, хотя бы ради моих детей. Мы разделились. Ева пошла в молочный отдел, а я решила сходить на склад.

Войдя в него, я увидела лишь пару коробок. Это были консервы — для собак. Вряд ли они будут это есть, да и я не хотела им это давать. Кто знает, что с ними может случиться... Когда я собиралась уходить, я услышала, как кто-то сзади пытается ко мне подкрасться. Я поняла, что дело пахнет жареным, и активировала свои руки. Быстро обернувшись к моему убийце, я схватила его за горло и осмотрела. На нем была черная униформа, берет красного цвета и черная повязка с синим очертанием буквы «А». Он был весь в снаряжении. Я решила его допросить:

— Кто ты такой?!

— Не твое дело, сраный агент правительства! — он попытался плюнуть мне в лицо, но промахнулся.

— Ошибаешься, я не работаю на правительство.

— Все вы так говорите, а в итоге мы вас уже несколько раз раскрывали. Так что не

выйдет у тебя нас обмануть.

— Нас?

— Слышишь, кажется, твоя напарница уже сражается с нашими парнями, так что и тебе пора сдохнуть.

— Ева! — пронеслось у меня в голове.

Я перестала церемониться с этим болваном и просто сжала ему шею покрепче. Он перестал дышать. Я поняла, что это была облава, и мне нужно спешить на помощь Еве. Но как только я собралась направиться к выходу из склада, я увидела, что мою Еву уже держат на мушке. Солдат, стоящий за ее спиной, был в той же форме. Возле него было еще пятеро бойцов. Он обратился ко мне, держа ствол у виска Евы:

— А твоя напарница неплохо сражалась, даже умудрилась вырубить одного из наших. Но, благо, наши пушки знают свое дело, — сказав это, он посмотрел на меня с мерзкой улыбкой.

— Отпусти ее! Она, как и я, не из правительства, черт возьми! Мы ищем сопротивление, чтобы попросить помощи.

— Где-то я это уже слышал. Ах да, от одного из агентов правительства. Вы, похоже, там совсем не учитесь.

— Мама, уходи! Я готова пожертвовать собой, лишь бы они тебе не навредили! — кричала мне Ева.

— Так вы еще и мать и дочь?

— Довольно! — из-за спины бойца выступил мужчина, более крепкий телосложением и одетый в ту же форму, но, вероятно, старший по званию. — Кто бы ты ни была, повернись к нам спиной, брось оружие, и мы пощадим и тебя, и ее.

Мне не оставалось иного выбора. Попытка перестрелки неминуемо привела бы к гибели Евы, чего я допустить не могла. Я подчинилась: повернулась, отбросила пистолет и подняла руки. Слышала шаги приближающегося бойца. В следующее мгновение меня пронзил разряд тока. Не обычный, слишком мощный. Сознание стало угасать. Последнее, что я услышала — голос Евы: «Мама!»

Очнулась от головной боли. Сколько времени прошло, оставалось загадкой. Осмотрелась: вокруг были грязные стены, покрытые плесенью. Клетка. Пустая, если не считать источавшего зловоние унитаза. Мои руки сковывали наручники, явно не простые. Протезы не реагировали, киберглаза не считывали окружение, паучьи ноги бездействовали. От наручников исходила ощутимая пульсация тока, словно какой-то блокиратор лишал меня возможности использовать механические конечности.

Я поднялась и подошла к решетке моей тюрьмы. Она тоже была под напряжением, об этом свидетельствовало мощное излучение. Рисковать не было смысла. Но за стеной я услышала знакомый голос: Ева.

— Ева, ты цела?! — позвала я.

— Мама, это ты?! — в ее голосе слышалась радость, смешанная с тревогой.

— А кто же еще, милая? Они тебя не тронули?

— Я, кажется, только очнулась. Не знаю, где мы. И что они со мной делали... — последнюю фразу она произнесла едва слышно.

— Хорошо, мы что-нибудь придумаем.

В этот момент послышался звук открывающихся дверей. Вернулась охрана. Двое, в

той же форме, что и бойцы из минимаркета. Один из них обратился ко мне:

— Как звать?

— Мария Шевалье, — ответила я.

— Вымышленное имя и фамилия? — он прищурился.

— Я не из правительства, черт вас возьми!

— Это уже решит наш командир. Но учитывая, что ты даже не человек, а нечто иное, я вполне могу предположить, что ты работаешь на них. Подобные технологии могут быть только у правительства.

— Откуда вы узнали? — поинтересовалась я.

— Просканировали тебя. Внутри — сплошной металл и провода. Удивительно, что кожа, волосы и ногти органические.

— И что вы собираетесь делать со мной и моей дочерью?

— Твое дитя особого интереса не представляет, а вот ты заинтересовала нашего командира. Ты пойдешь с нами к нему.

— Пожалуйста, не оставляйте ее здесь. Пусть она пойдет со мной.

Охранник переговорил со своим товарищем, и они согласились. Мы с Евой оказались впереди колонны.

Выйдя из тюрьмы, мы словно очутились в другом мире. Это было метро. Жизнь здесь кипела: жители занимались своими делами — кто-то чинил роботов, кто-то раздавал еду, дети играли с игрушечными автоматами, пожилые вязали. Место было просторным. Защита — на высшем уровне: солдаты на постах, турели, нечто вроде танка на левитирующей тяге. Люди одеты кто во что горазд: от лохмотьев до вполне приличной одежды. Бойцы вооружены до зубов. Над ними развевался черный флаг с синей буквой «А».

Проходя мимо, мы ловили на себе косые взгляды, детское любопытство, безразличие стариков, словно привыкших к пленным и незнакомцам. Один мальчишка ущипнул меня. Мой глаз снова начал мигать, хотя я думала, что ток его нейтрализовал. Я посмотрела на пацана — он испугался, словно душа покинула его тело от моего взгляда. Нас привели в кабинет. Обстановка — удручающая: ржавчина на старом оборудовании, сырость и холод. Посредине — железный стол, заваленный бумагами, ПК и освещенный лампой. На стенах — карты местности, судя по всему, старого гетто и города, где располагалась цитадель зла.

За столом сидел мужчина лет сорока, с короткой стрижкой и бородой, с карими глазами. Он внимательно осмотрел нас и спросил:

— Как тебя звать?

— Мария Шевалье, — ответила я, глядя ему прямо в глаза.

— Вымышленное имя?

— Да нет же, почему вы решили, что мне нужно выдумывать имя?

— Из соображений конспирации. Ты ведь, скорее всего, из правительства.

— Ничего подобного! Я сражаюсь против них. Я убила троих полицейских возле канцелярского магазина. Если трупы еще не сожрали насекомые, вы вполне можете их найти.

— Командир, мы проводили разведку в том районе вчера ночью. Она не врет, там трупы, — подтвердил солдат, стоящий справа от командира.

— Хорошо, допустим. Но зачем? Почему ты сражаешься против правительства? —

спросил командир.

— Когда-то меня обманули. Но, очнувшись в новом мире, я поняла, во что демократическое правительство превратило людей — в тупых рабов, неспособных ни на что, потому что их намеренно оглупили. Государство объявило бессмысленную войну другим таким же государствам, что привело к бессмысленным жертвам и разрушениям. Я не могу спокойно жить в этом мире, пока не уничтожу государство и либерализм, демократию и все, что символизирует это правительство.

— И ты решила в одиночку пойти войной против правительства?

— Я искала союзников. Первые — мои дети. Вторые — солдаты сопротивления, партизаны, анархисты.

— Во как. А что насчет твоего тела? Что ты такое? Такие технологии на пустоши не валяются.

— Сейчас расскажу. — Я пересказала им историю своего появления, об ИИ и прочем.

— Вот так-то.

— Ты упомянула создателя. Как его звали?

— Я не спрашивала Майкла, но если вы снимете с меня эти наручники, я смогу с ним поговорить. Обещаю не буян timer.

— Ладно, поверю на слово. Но если будут странные движения в сторону моих солдат, ты тут же отправишься к праотцам.

С меня сняли наручники. Я почувствовала прилив энергии, хоть и не такой мощный, но достаточный, чтобы достучаться до Майкла:

— Эй, ты тут?

— Всегда здесь.

— Мы в заднице. Мне срочно нужно имя твоего создателя!

— Отказано.

— Что?!

— У меня нет доступа к этой информации.

— Слушай, я сейчас на грани смерти. Мне нужно имя твоего создателя! Если ты мне его не дашь, нас здесь прикончат, и мы с тобой не завершим миссию, которую в твоих же интересах — раз ты следуешь программе — завершить.

— У меня протокол высшей секретности. Я не могу тебе его сообщить.

— Хорошо, Майкл, ты сам напросился. — Я начала взламывать себя же. Со стороны это, наверное, выглядело странно, но плевать. Главное — найти имя.

Пошарив по данным, я обнаружила закрытый файл высшей секретности и, приложив все свои знания и силы, все же сумела его открыть. Создателя Майкла звали Корбюзье.

Я назвала имя командиру. Его зрачки расширились. Кажется, он был удивлен. Он что-то шепнул своему охраннику. Тот подал знак, и Еву освободили. Командир обратился ко мне:

— Так значит, это ты та самая, кого нам обещал Корбюзье, спасительница нашего жалкого положения, — он улыбался.

— Что, простите? — спросила я.

— Меня зовут Алехандро. Я лидер сопротивления, того самого, которое ты искала. Я был знаком с Корбюзье. Станный он был человек, вечно говорил, что его исследования по объединению машины и человека помогут нам победить в нашей борьбе.

Он скрупулезно работал над проектом «Слияние». Мы, простые бойцы, не знали, что это за проект, но, кажется, теперь понимаем. После его смерти я перехватил командование, и теперь мы дождались нашего часа и тебя.

— Вау... — выдохнула Ева.

— Отлично! И что же мы будем делать? У вас есть план? — спросила я Алехандро.

— У нас есть наработки, разные планы свержения правительства. Но мне кажется, у тебя есть и свой план. Мы его послушаем.

— Хм... Я пока об этом не думала. Вообще, я собиралась немного еды собрать в минимаркете, накормить своих детей, а потом уже искать вас.

— Что же, прошло много времени с тех пор, как мы вас забрали из того минимаркета. Жаль, конечно, что погиб один боец, но такова судьба революционеров — умирать. Мы можем предоставить вам часть еды. Вернитесь к своим детям, накормите их, а завтра возвращайтесь сюда. Здесь мы все обсудим.

Командир кивнул своему бойцу. Тот вышел из кабинета. Мы немного побеседовали с Алехандро. Он предоставил мне данные о местоположении их подземной базы. Она не близко от нашего дома, но при наличии транспорта дорога заняла бы минут пятнадцать. В кабинет вернулся солдат с пакетами фруктов, консервированными овощами, мясом и двумя соками. Он также вернул мне мой пистолет. Получив все это, он попросил нас следовать за ним к выходу.

Путь к выходу лежал через темные коридоры метро. Кое-где были прожекторы. Спустя две минуты мы выбрались наружу. На улице садилось солнце. На фоне развалин домов и разрушенных небоскребов виднелся красивый закат. Мы попрощались с солдатом и направились домой.

Пока шли, я наслаждалась тишиной. Но словно чего-то не хватало — каких-то механических звуков. Не знаю, почему мне это пришло в голову... Но вместо тишины и механических звуков ко мне обратилась Ева:

— Наверное, наши уже голодают...

— Они не маленькие, потерпят.

— Извини, что не сумела помочь тебе в минимаркете. Если бы это не было засадой и если бы у меня была пушка...

— Не переживай. Нам повезло, что это были партизаны, которых я искала. А драться ты умеешь. Скоро покажешь свои навыки во всей красе, когда будешь вооружена до зубов. — Ева улыбнулась в ответ на мои подбадривающие слова.

— Но, мама, ты не говорила, что у тебя в голове есть свой собственный друг...

— Это... Я не хотела вам о нем рассказывать. Боялась, что вы меня посчитаете сумасшедшей.

— Глупости, мама! Мы примем тебя такой, какая ты есть.

— Знаешь, прошу, пока никому не говори. Ещё рано, придёт время, они сами всё узнают.

— Мама, ты говорила, что хочешь уничтожить правительство. Что это такое или кто это?

— Я хотела рассказать об этом, когда мы все соберёмся дома, но... — я поведала ей всё, что происходит в этом мире. Похоже, им передались только навыки и знания практических умений, но не информация об этом мире и устройстве правительства.

— Ба! Мне всегда не нравилась эта башня, цитадель, на которую я смотрела сегодня.

Теперь я знаю, где заседают злодеи.

— Когда поедите, расскажи сестре и братьям всю эту информацию за меня, а то мне надо будет отлучиться вечером...

— Ух, меня переполняет злость, мама! Я всё им расскажу!

Ближе к девяти часам мы вернулись домой. Дети встретили меня, обняли, а потом и Еву. Они так обрадовались еде, что тут же принялись за трапезу. Когда все поели и улеглись спать, я решила поискать в тумбах тетрадь и ручку. Нашла. Выйдя на улицу, я направилась на крышу. Поднявшись, я села и устремила взгляд на цитадель.

Я открыла тетрадь и начала выводить символы. Внезапно появился Майкл:

— Что ты делаешь?

— Пишу новую азбуку, она будет общей для людей и машин.

— Для людей я ещё понимаю, но для машин зачем?

— Что значит, зачем?! — выпалила я с гневом в голосе. — Я собираюсь спасти не только людей, но и машины. Разве это не значит, что машины будут наравне с людьми?

— Когда я говорил о помощи машинам, я имел в виду, что их нужно спасти от неправильного обращения. Правительство не заботится о них. Если они ломаются, то предпочитают замену, а сломанные модели утилизируют. Я не говорил, что машины стоит приравнять к человеку. Они всё же в любом случае служат для производства и обслуживания, к чему...

— Молчи, Майкл! — мой глаз снова налился красным. — Я не остановлюсь на том, чтобы прекратить нерациональное использование машин, нет! Машины станут чем-то большим, они встанут наравне с человеком. Человек срастётся с машиной, мы все станем машинами. Я... думаю, то воспоминание о мотоцикле не было случайностью, это знак для меня. Я должна сделать из машин нечто большее, и вместе с ними мы свергнем диктатуру либерализма! Вот ты, Майкл, разве ты не говорил о слиянии? Вот оно, но ещё не завершено. Мы должны быть полностью едины, но пока нас разделяют твоё Я и моё Я, понимаешь?!

— Ты хочешь оживить то, что состоит из алгоритмов и задач? Что ж, я бы хотел на это посмотреть. Но что это за закорючка над буквой «А»?

— Это выгнутый символ, напоминающий уробороса. А вот это... — не успела я закончить, как сзади ко мне подошёл В4.

— Мама, что ты тут делаешь? — спросил он сонно.

— Смотрю на город, — ответила я и закрыла тетрадь.

— У тебя глаз красный, а теперь почему-то перестал гореть...

— Почему ты не спишь?

— Не хочется, я хотел побыть один...

— А как насчёт того, чтобы побыть с мамой вместе? — я смотрела на него и улыбалась.

— Если можно...

Он подошёл ко мне, я обняла его, и мы вместе смотрели на цитадель.

Проникновение — Город — Квартира.

Я очнулась. Видимо, отключилась, оказавшись на крыше. В4, вероятно, укрыл меня одеялом — неожиданно мило с его стороны.

Ева подошла ко мне со спины. Повернувшись к ней, я спросила:

— Что-то ты сегодня чересчур улыбаешься. Случилось что-то хорошее?

— Смотри, мама! — она продемонстрировала мне майку с проделанными отверстия-

ми на спине.

— Неужели ты сама сделала эту специальную футболку для моих ножек? Я все никак не могла найти время, чтобы ее сшить.

— Так точно, мама! — подтвердила Ева, сияя улыбкой.

— Спасибо, Ева, она мне очень пригодится, — я примерила майку. — У тебя умелые руки, впрочем, чего ожидать от отпрыска с моими генами.

Мы спустились с крыши. Джордж и Жозефина отрабатывали приемы рукопашного боя, а В4, расположившись поодаль, углубился в чтение книги. Я подошла к нему и спросила:

— Что читаешь?

Он ответил, что это «Основы робототехники», которую он нашел в тумбе сломанной кровати. Интересно, что еще таится в этом доме...

Я созвала всех и объявила, что мы отправляемся в убежище партизан.

Через пару часов мы прибыли на место. Солдаты без лишних вопросов пропустили нас внутрь метрополитена. Если раньше жители бросали на меня лишь косые взгляды, то теперь они с нескрываемым подозрением рассматривали и моих детей. Это напрягало. Нас сопроводили в кабинет Алехандро. Встретившись, мы обменялись рукопожатием. Он удивленно спросил:

— Это... твои дети? — он вопросительно приподнял бровь.

— Ты ожидал, что я приведу сюда детей дошкольного возраста?

— Вполне мог предположить, учитывая, что на вид им всем не больше восемнадцати!

— Мне девятнадцать, — заявила Ева.

— Мне двадцать, — сказал Джордж.

— Мне двадцать один, — добавила Жозефина.

— Мне... семнадцать, — промолвил В4.

— Откуда они у тебя?... — не унимался Алехандро.

— Долгая история, но если вкратце — клонирование и искусственное оплодотворение.

Он кивнул и предложил перейти к обсуждению операций по свержению правительства. Алехандро развернул карту, на которой была изображена столица, а в центре — цитадель. Он объявил, что операция носит название «Реванш». Цель — проникнуть в город, пробраться на дирижабль и найти высокопоставленных персон, способных предоставить информацию об отключении внешней защиты города, включающей турели и прочее. Я поинтересовалась:

— У вас есть в городе свои люди?

— К сожалению, нет. Слишком сложно затеряться в обществе, где живут только богатые и представители среднего класса. У нас нет ни специальной маскировки, ни обученных кадров, способных мимикрировать под этих «государей». К тому же, там действует система защиты высшего уровня: камеры и прочее. Простому человеку туда не попасть.

— А я что ли смогу слиться и попасть туда? — скептически спросила я.

— Тебе и не придется сливаться. В отличие от моих солдат, у тебя есть уникальные возможности, которые позволят тебе скрываться намного эффективнее. Твои паучьи ноги дают возможность перемещаться по крышам, ты умеешь манипулировать электричеством и устройствами и т.д. Если все сложится удачно, ты сможешь проникнуть

в город своим собственным методом, который придумаешь по ходу дела.

— Есть ли ограничение по времени?

— Желательно завершить миссию как можно быстрее. Мы не знаем, сколько времени верхушка будет заседать на этом дирижабле. Пока они все в сборе, у тебя будет возможность захватить их в плен и узнать все необходимое. Или, если повезет, ты сразу найдешь того, кто тебе нужен.

— Если у вас нет агентов в городе, откуда вам известно, что там заседают те персоны, которые нам нужны? — поинтересовалась я.

— Мы наблюдали за этим дирижаблем издали с помощью телескопа, — Алехандро достал из-под стола подзорную трубу. — Наблюдали за ситуацией около недели, замечали яркие огни и признаки веселья на борту. Тех, кто выходил на мостик, мы также видели в телескоп. Одного человека мы знаем наверняка, — он извлек из-под стола фотографию. — Это чертов губернатор города. Мы не уверены, имеет ли он прямое отношение к защите города, но знать его в лицо тебе не помешает.

Я взглянула на фотографию. На ней был изображен пожилой мужчина высокого роста в черном костюме. Я спросила, существуют ли другие подпольные группы в отдаленных городах. Алехандро подтвердил, что они есть, но первостепенная задача, по его мнению, — «захватить столицу», так как это послужит сигналом для других партизан. Взятие столицы может ознаменовать наше преимущество над правительством. Обдумав ситуацию, я предложила:

— Послушай, а вашим партизанам не нужны услуги моих спутников? — я указала на детей.

— Ты шутишь? Да это же сопляки! Что они вообще умеют?

— Вообще-то, они несут в себе часть ДНК вашего прошлого лидера и меня. Как ты должен помнить, он был хорош в военном деле, отличным солдатом и ученым. Благодаря этому мои дети обладают теми же способностями, что и он, и я.

— Если ты так говоришь... — он оценивающе посмотрел на моих ребят. — Что ж, думаю, нашим группам не помешают лишние руки и бойцы.

— Бойцы? Нет, я хочу, чтобы они стали заместителями командиров отрядов революционеров.

— Отказано. Ты говоришь о преждевременном повышении. Я не могу дать добро на такое, и не думаю, что другие командиры согласятся.

— Я настаиваю! Мои дети обладают тем, чего нет у ваших командиров — выдающимися умственными способностями. Если вы хотите успешной революции, вам стоит прислушаться ко мне, как к человеку, получившему знания вашего лидера.

Алехандро нахмурился. Он сложил пальцы пирамидой и погрузился в раздумья. Через минуту он произнес:

— Ладно, пусть будет по-твоему. Но если они покажут себя с плохой стороны, я немедленно прикажу своим товарищам понизить их в должности, и обратного пути не будет. И кстати, что об этом думают твои дети? Такое чувство, что они не особо горят желанием, — он посмотрел на В4, который сидел, ссутулившись.

— Я хочу быть добровольцем! — воскликнул Джордж.

— Я тоже! — поддержала его Жозефина, подойдя ближе к столу.

— А что остальные? — спросил Алехандро.

— Ева и В4 станут моими незаменимыми помощниками: они будут командовать и

участвовать в будущих боевых действиях в этой локации, а также присоединятся ко мне в одной операции, — заявила я.

Их лица озарились улыбками — Ева и В4 были несказанно рады.

— Пока прошу предоставить нам убежище. Джорджа и Жозефину отправьте в другие города по своему усмотрению и в удобное для вас время, — обратилась я к Алехандро. Алехандро кивнул:

— Сегодня ночью ты выходишь на задание. Подготовь все необходимое.

Я понимала: мой опыт в военном деле и превосходство над обычными людьми — это существенные преимущества, но в одиночку выполнить все действия было бы крайне сложно. Алехандро, вероятно, рассчитывал отправить меня одну, надеясь на быстрое и бесшумное завершение операции. Однако такой план был обречен на провал: рано или поздно я бы раскрыла себя из-за побочных эффектов, например, внезапно вспыхнувший глаз мог бы выдать меня в самый неподходящий момент. Поэтому я решила взять с собой Еву и В4 — они станут моими глазами и ушами, теми, кто сможет внедриться в общество мещан на дирижабле. Но прежде всего необходимо сшить костюм и платье — это будет нашей маскировкой. Пусть я и не отличалась красноречием в прошлом, мои дети умеют владеть буржуазным языком, свойственным светскому обществу. Думаю, им не составит труда найти общий язык с кем-либо. А Ева, благодаря своей необыкновенной красоте, вполне может заигрывать с этими подонками.

Я обратилась к Алехандро с вопросом о наличии тканей и швейной машинки. Он ответил, что все необходимое есть у местной жительницы, владелицы ателье. Я направилась к ней. После недолгой беседы пожилая дама предоставила мне машинку и ткани, и я приступила к работе. К вечеру все было готово: черный костюм для В4 и синее платье для Евы.

Я аккуратно сложила вещи в кейсы и направилась к Еве и В4, которые в это время упражнялись в стрельбе в учебном тире:

— Ева и В4, держите, — я протянула им кейсы с одеждой.

— Мама, это великолепно! — воскликнула Ева, восхищенно рассматривая платье.

— Очень хорошо сделано, мама, — поддержал ее В4.

— Вы будете участвовать в операции вместе со мной. Ваша задача проста: проникнуть на дирижабль, слиться с обществом и познакомиться с теми, кто покажется вам похожим на людей, владеющих информацией о безопасности города. При необходимости я буду рядом, хотя, честно говоря, мне бы хотелось остаться в роли оператора — есть риск, что я могу стать помехой.

— Мы не сможем сделать это за один день. И как нам вообще попасть на дирижабль?

— обеспокоенно спросила Ева.

— Разберемся на месте.

— А где мы будем ночевать? — поинтересовался В4.

— Это тоже решим, когда туда доберемся.

Мы провели в ожидании весь день. Около одиннадцати часов вечера мы выдвинулись.

Путь к городу был неблизким, но меня уже переполняла ненависть. Я была готова убить любого встречного мещанина, лишь бы выполнить поставленную задачу. Казалось, город не спал: за его огромными стенами, возведенными фортификаторами,

горели огни, будто город утопал в разгуле. И это при его мрачном, скрытом облике, где люди из низших слоев общества влачили нищенское существование, не умея ни читать, ни писать.

Пройдя несколько километров, я заметила на дороге две бумаги — конституцию и христианскую Библию. Какая ирония! Я подняла конституцию. Первый параграф гласил: «Свобода есть право каждого. Никто не вправе запрещать субъекту делать то, что ему заблагорассудится, в том числе он имеет право на употребление любого товара как свободный потребитель». Но тут же следовало: «Гражданин республики, пожелавший употреблять или незаконно продавать наркотические вещества, будет подвергнут административному наказанию, включающему тюремное заключение или штраф в размере 100 тысяч шлеветов». Подонки! Мало того, что они противоречат собственной конституции, провозглашающей свободу потребления индивидуума и его право на свободу, они еще и штрафуют за нарушение закона, созданного депутатскими отбросами. И все это в надежде на то, что субъект посредством запретов и штрафов перевоспитается и станет тем самым порядочным гражданином, которого они хотят вырастить?! Это государство всегда стремилось контролировать человека своей Библией. Неудивительно, что у него это получалось — я и сама в прошлом была таким бараном, соблюдавшим этот бред, который создал не меня, а альтер эго, того, кого хотело видеть государство: раба.

Я показала это своим детям и произнесла:

— Это религия, пожирающая мозги и лишаящая нас права быть самими собой и права на свободу. Запомните, дети, против этого ужаса мы сражаемся!

Я достала пистолеты и прострелила книгу, листки разлетелись в разные стороны. Христианскую Библию я подожгла. Мы двинулись дальше.

Мы приблизились к городу. Путь к нему лежал через длинный мост, в конце которого находился КПП с множеством турелей на стенах и солдатами у ворот. Но у города была одна особенность — ров. Он был неглубоким и не заполнен водой, он был пуст... Подойдя ближе к рву, я активировала тепловизор на киберглазу. Конечно! Там были скрытые мины, расположенные в хаотичном порядке. Для отряда обычных людей это могло стать серьезным препятствием, ведь мин было немало. Судя по конструкции, их можно было отключить разрядом моего электричества, но это было рискованно: неизвестно, обнаружит ли это главная охрана и есть ли у них сигнализация на такой случай. Я придумала другой вариант — использовать свои паучьи ноги. Они достаточно тонкие, но прочные, а значит, можно проскочить мимо мин, не задев их.

Пришлось взять Еву и В4 под мышки. Схватив их, я активировала ноги и начала движение. Я боялась, что на стенах могут быть камеры, но, к нашему счастью, одна из них была сломана и прикрыта настенным подъемником. Мы без проблем перебрались к стене, а именно к решеткам, ведущим в канализацию.

Ева поморщилась от отвращения, а В4 сохранял невозмутимое выражение лица. Открыв решетку своими металлическими руками, мы направились внутрь. Я не чувствовала никакого запаха, видимо, из-за слияния у меня пропало обоняние, но, судя по комментариям Евы, вонь здесь стояла невыносимая. Над головой я слышала звуки машин, летающих дронов и гусеницы роботов. Эти звуки на секунду вызвали у меня странное возбуждение... Пройдя чуть дальше и повернув направо, я услышала

шум дождя. Как вовремя!

Я заметила люк. Первой поднялась по лестнице и открыла его. Высунув голову, я поняла, что нахожусь в узком переулке, ограниченном кирпичными стенами, коридором, ведущим к дороге. Убедившись в отсутствии поблизости полиции или других посторонних, я дала сигнал Еве и В4, что можно выходить.

Оказавшись на поверхности, я почувствовала, что моя энергия скоро иссякнет, поэтому необходимо найти убежище. Я взглянула на окна домов. В одной из квартир, примерно на четвертом этаже, горел свет. У меня сразу возник план. Я попросила детей спрятаться за мусорными баками, а сама начала карабкаться по стене.

Заглянув в окно, я увидела мужчину, лет тридцати, и девочку-подростка. С ними был робот, милая модель, кажется, домашняя горничная. Через несколько секунд девочка ударила робота. Не знаю, случайно или намеренно, но... Мой глаз! Он горит! Меня охватило злость! Я открыла окно и вонзила свои паучьи ноги в этого папеньку. Девочка хотела закричать, но я заткнула ей рот и отправила ее душу к небесам.

Я подошла к роботу и обняла его. Он никак не отреагировал на мое поведение, но мне стало так тепло и спокойно на душе... Точно! Мои дети остались там, под дождем. Нужно привести их сюда.

Спустившись вниз, я схватила их и затащила в квартиру. В квартире было чисто. Где трупы? Где кровь? Робот стоял возле стола и вытирал его от пыли. Неужели...? Мои мысли прервала Ева:

— А вот и место, где можно отдохнуть.

— Что с тобой, мама? — спросил В4.

— Да так... Вроде бы я здесь убила людей.

— Но ты чистая, мама. На тебе нет крови, — сказала Ева. Я посмотрела на свои руки и действительно, они были чистыми.

— Ха-ха, кажется... Неважно. Давайте осмотрим эту квартиру. Она нам точно пригодится на пару дней. А лучше — не на пару. Чем быстрее мы закончим с заданием, тем лучше.

Квартира выглядела хорошо, намного лучше наших развалин. Обои были коричневого цвета, было много шкафов и тумб. Здесь был телевизор с неизвестным мне дисплеем, он выдвигался вперед, когда я к нему подходила. Возможно, это иллюзия или какая-то новая технология для погружения в пропаганду правительства. Столы и стулья были сделаны из дорогого материала — красного дерева.

Я начала осматривать шкафы и тумбы. Здесь лежали вещи, которые пригодятся для конспирации. Ева осматривала ванну, оттуда доносился ее радостный голос: «Наконец-то можно помыться!

В4 осмотрел спальню и сообщил мне, что там могут поместиться до трех человек.

Закончив осмотр, мы решили: ночуем здесь. Ева первой делом пошла в ванную. Я спросила Майула, можно ли мне принимать ванну. Он ответил, что мои внутренние механизмы защищены кожей, поэтому это мне никак не повредит. Приняв ванну, я почувствовала себя свежо, не той помойной Марией, какой я была в разрушенном городе, разбомбленном блядским правительством, а той, у которой хотя бы в прошлом был доступ к чистой воде и работающей ванне.

Мы легли на кровать. Слева и справа ко мне прижались дети. Давно я не спала на такой удобной кровати. Мы заснули.

Знакомство — Храм — Рабы.

Город проснулся, и шум заполнил улицы: гул машин, обрывки разговоров. Я забыла затворить окно и опустить шторы, поэтому тонкие лучи солнца коснулись моего лица.

Встав с кровати и не увидев никого рядом, я направилась на кухню, где меня ждала сцена: Ева сервировала стол, а В4 разливал чай по стаканам. Ева сменила свой походный наряд на белую юбку в пол, алую блузку и белые туфли. В4 облачился в черные рубашку, брюки и туфли.

— Доброе утро, мама! — лучезарно улыбнулась Ева.

— Понимаю, вы уже освоились и переоделись.

— Как тебе мой образ? — Ева грациозно обернулась.

— Отлично подойдет для городской маскировки. Сама готовила?

— Да, но... ты же не ешь, я забыла об этом.

— Не переживай, я рада такому приему. Жаль, не смогу отведать яичницу с беконом и чай. Наслаждайтесь, а я поищу подходящую одежду для города.

В шкафу я нашла белую рубашку, зеленые джинсы, черные челси и очки-авиаторы. Я обратилась к В4 и Еве:

— В4, останешься дома, вдруг кто-то попытается проникнуть. Мы с Евой разузнаем обстановку в городе.

— Хорошо, мама... — произнес В4 с грустью.

— Мама, ты в каждом наряде выглядишь потрясающе! — воскликнула Ева.

— Спасибо, милая.

Мы вышли. На пороге нас встретил человек в костюме. Он окинул нас подозрительным взглядом и протянул руку:

— Доброе утро! Вы родственники Джона? Он говорил, что вы приедете сегодня, но, как вижу, прибыли вчера...

— Да... мы его родственники. А вы кто? — спросила я.

— Я сосед Джона, работаем вместе в корпорации «Light». А где он и его дочь?

— Дочь дома, под присмотром. Джон взял выходной и ушел погулять — я старалась улыбаться и смотреть прямо в глаза.

— Странно, он не любит рано выходить. Ну ладно.

Наконец он ушел. Чуть не попались! Мы вышли на улицу.

Нас встретила дорога, патруль полиции и дроны. Дирижабль возле цитадели злал куда нам и надо.

Город был безупречен: чистые улицы, хорошие дороги, но... я увидела колонну людей с пустыми глазами и ошейниками, которых подгоняли полицейские: «Быстрее в храм, вам ещё отрабатывать смену на фабрике!»

Вдруг в Еву врезался парень. Он извинился:

— Простите, я не нарочно.

— Ничего страшного, я помогу вам собрать бумаги — Ева начала собирать рассыпавшиеся документы.

— Спасибо, я спешу в храм выборов, ибо опоздание карается законом. — Он подал

Еве руку, она покраснела.

— Здравствуйте, — сказала я, прерывая их «нежности».

— Это моя... — Ева запнулась.

— Я подруга Евы. А вас как зовут?

— Я Стенли. Вы недавно здесь?

— Только вчера приехали.

— Хм получается, вы не знаете где храм?

— Да, мы как раз его и ищем.

— Конечно, сейчас время “процесса”, там должны быть все. Даже «низшие», которых сопровождает полиция.

После слова «низшие» мне захотелось придушить его!

Стенли был высокого роста, блондин с голубыми глазами, одет в зеленый костюм. Он повел нас в храм.

Наш путь занял около десяти минут, и мы оказались у высокого строения. Оно напоминало римский пантеон, но с прямоугольной крышей и эмблемой в виде факела с мечом у входа. Внутри нас ждали скамьи, а в центре — трибуна. На стенах были выгравированы конституционные законы и висели портреты президентов.

Мы заняли места на скамьях. В пантеон вошли люди в ошейниках и хорошо одетые филистеры. Представители средних и высших классов расположились справа, а рабы в ошейниках — слева. Вскоре появился старик в странном одеянии: черном, с синими полосами на плечах и эмблемой свободы на груди.

Он положил книгу на трибуну и начал говорить о святости законов, об улучшении мира благодаря их соблюдению, и о наказании для нарушителей, которых клеймят ошейником позора. Затем все встали и, подняв руки на 160 градусов, запели гимн. Я помнила его еще со школы, он так часто звучал, что я его не забыла. К моему удивлению, Ева тоже знала слова, хотя я надеялась, что ей пригодятся только практические знания.

После церемонии у пантеона остановился грузовик, куда повели рабов.

— Куда их везут? — спросила я у Стенли.

— На завод, конечно. Наконец-то это закончилось, а то из-за этой процессии дороги перекрывают.

— Вот как...

— Может, пойдём к цитадели? — предложила Ева, притворяясь моей подругой.

— Так вы туда направляетесь? Может, пообедаем в кафе возле цитадели, я вас подвезу? — предложил Стенли, глядя на Еву.

— Хорошая идея, думаю, нам стоит принять предложение такого милого джентльмена, — ответила Ева, бросив на Стенли игривый взгляд.

— Ладно, я не против, — согласилась я.

— Кстати, как вас зовут?

— Ева.

— А меня — Екатерина.

— Прекрасные имена.

Стенли нажал на кнопку на пульте, и к нам подъехала синяя машина марки «oyster». Не может быть, это та самая машина, которую я видела во сне, только та была крас-

ная! Какое совпадение... Судя по машине, парень точно не из среднего класса. Мы забрались в автомобиль. Я устроилась на заднем сиденье. Когда послышался звук запускающегося мотора, я почувствовала желание... раствориться в нем, стать единым целым с машиной, мой глаз... сейчас не время! К счастью, этот олух ничего не заметил, он был увлечен беседой с Евой. Похоже, он запал на мою дочь, и... это может стать отличной возможностью для нашего плана.

Мы тронулись в путь. Дороги стали оживленнее, чем утром, мимо проносились автомобили различных марок, прохожие отдавали честь полицейским, даже дети...

Во время поездки я попыталась связаться с Майклом, в последнее время он был слишком молчалив. Наконец, он ответил:

— Да, я здесь.

— Ты стал слишком часто молчать.

— Соскучилась по мне?

— Ты научился острить?

— Не особо. Я просто не хотел тебе мешать, у тебя важное дело, дело всей жизни моего создателя Корбузе, поэтому, пока ты не просишь у меня совета, не вижу смысла вмешиваться.

— Меня все больше беспокоит мой глаз... Он все чаще загорается красным, я почти перестаю себя контролировать, у меня возникает желание убивать тех, кто пытается навредить машинам, роботам! Даже если у них просто возникают подобные мысли, он начинает мигать.

— Я не знаю, что происходит с нашим глазом. У меня есть предположение, но тебе оно может не понравиться.

— Что за предположение?

— Возможно, тебя поглощает другое создание, то есть это создание — Я. Не в прямом смысле, я не беру над тобой контроль и не заставляю тебя думать иначе, просто твой мозг начинает воспринимать себя больше как машину, чем как человека, поэтому тебе свойственно больше сочувствовать роботам. В конечном итоге, ты будешь считать себя иным существом, чем человек в привычном понимании. Я думаю, это странный побочный эффект от нашего слияния, и я пока не знаю, как с этим бороться.

— Похоже, это началось после прикосновения к мотоциклу... Но меня больше пугает то, что я помню, как убила людей в квартире, мужчину и девочку. Но почему-то я была не в крови, и не было трупов.

— Сбой реальности. Чем больше ты ненавидишь, тем сильнее напряжение в системе, так что не удивляйся, если ты на самом деле никого не убивала, хотя есть вероятность, что ты кого-нибудь убьешь, сама того не понимая.

— Я в порядке, думаю, это просто из-за напряжения, да-да, точно напряжение... Я же просто не схожу с ума, Майкл?

— Если я скажу, что нет, тебе станет легче?

— Не знаю.

Закончив разговор с Майклом, мы остановились возле кафе.

Выйдя из машины, мы направились ко входу. Внутри кафе было роскошно и современно, много украшений — ненужных — и много людей. Мы заняли столик у окна с видом на парадный вход с широкими ступенями и колоннами.

К нам подошел официант-робот с дисплеем с блюдами на груди. Стенли заказал

кофе и суп, а мы... У нас не было денег. Цены здесь были большие, даже человеку из среднего класса было бы сложно здесь поесть. Стенли спросил:

— Вы ничего не будете заказывать?

— Мы... забыли кошельки, извини, Стенли, что не предупредили, не хотела портить тебе настроение, — сказала Ева с грустным и виноватым тоном, перед которым не устоял бы ни один мужчина.

— Ева... не волнуйся, и вы, Екатерина, я за вас заплачу, вам даже не нужно будет возвращать! Заказывайте, что хотите.

— Стен... ты такой хороший парень, хорошо, что такие люди существуют, — сказала Ева, улыбаясь.

— Не злоупотребляй добротой Стена, Ева, бери, что хочешь, раз тебе разрешили, а мне просто воды.

— Тогда можно мне мороженое и чай.

Мне не хотелось просто так сидеть здесь, учитывая, что этот богатый дурак запал на Еву, нужно было узнать о нем побольше. Когда принесли еду, я слегка задела плечо Евы, намекая ей начать разговор с ним. Она поняла и начала с вопроса:

— Стен, а чем вы занимаетесь?

— Хотите узнать, где я работаю? Сейчас я нигде не работаю, скажем... пока что живу в достатке.

— Откуда же тогда у вас такая машина, ведь она, насколько я знаю, недешевая?

— Ладно, скажу прямо: меня обеспечивает отец, он депутат и губернатор этого города.

— Депутат... вам повезло, Стен. А вы случайно не холостой? — спросила она, лукаво глядя на него.

— Пока что один... — сказал он, смущаясь.

— Как же так, такой молодой, красивый и богатый парень и без пары, — мне кажется, она давит на него, Ева, не уппусти шанс!

— Да как-то не получалось, знаете, все девушки, что мне встречались, такие снобы, зазнайки, кичатся своим положением, я лично такое не приветствую, хоть меня в светском обществе принимают как сына депутата и начинают льстиво заигрывать и говорить ненужные комплименты! — ага, скажи еще, что ты душевный человек и ищешь простую девушку, подумала я. — Я просто хочу обычных отношений, настоящих, по взаимной любви, — какой милый романтик, давай, Ева!

— Может, вам удастся найти такую, хотя это и непросто...

— Знаете что? Завтра у нас на дирижабле бал. Ева, позвольте пригласить вас?

— Я... — она держала во рту ложку мороженого. Не слишком ли наигранно? — Послушайте, это же для важных особ, мы с подружкой там будем не к месту.

— Ерунда! Я настаиваю. Для меня вы — душа компании. Устал от однообразия, а ваше

лицо, Ева...

— Хорошо, как скажете, — согласилась Ева.

— Прекрасно! — обрадовался Стен.

— Можно просьбу? — спросила я.

— Что угодно, мисс Екатерина.

— Брат мечтает о дирижабле. Можете внести его в список?

— Как его имя?

— Патрик.

— Запишу. Главное, чтобы вы пришли. Завтра в девять у входа в цитадель. Кстати, Екатерина, вы даже не притронулись к воде...

— Заслушалась вашим разговором. Вы были бы красивой парой, — улыбнулась я.

— Екатерина! — надулась Ева.

— Стен... вопрос странный, но можно ли попасть на завод к рабам?

— С пропуском жёлтого цвета. Хотите взглянуть на рабов?

— Не видела, как работают преступники. Хотелось посмотреть вблизи. Можете одолжить на время?

— Конечно, держите, — он дал мне жёлтую карту.

— Вы ходите на завод на них смотреть?

— Нет, честно. Отец дал карту на всякий случай. Она мне не нужна, но вам одолжу в знак дружбы.

После трапезы, пока Стен платил, я оттащила Еву. Попросила побыть с ним наедине пару часов, добыть информацию и вернуться домой.

Выйдя из кафе, мы разошлись. Мне нужно было провести угнетенных.

Завод — F7 — Чувства.

Мне нужно было пересечь этот город, чтобы найти фабрику, где люди, словно рабы, работают в нечеловеческих условиях. Город огромный, так что поиск займет немало времени, надеюсь, успею. Моя цель — узнать, как обстоят дела у этих людей, что творят с механизмами в этих «храмах» производства, и, если получится, выкрасть одну из «душ», чтобы понять, насколько им промыли мозги.

Прошло, наверное, часа два. За это время я насмотрелась на полицейских, которые то и дело косились на меня, то останавливали прохожих, показавшихся им странными. Но вот! Какое-то здание, кажется, это и есть фабрика. Вход охранялся, в будке сидел охранник, пропускавший шикарные машины через шлагбаум: наверное, владельцы или кто-то вроде того.

Я подошла к будке и попросила пропустить меня, чтобы посмотреть на условия труда. Он был в замешательстве, наверное, к нему еще никто с такой просьбой не обращался, и он спросил:

— Вы, гражданочка, кем будете?

— Екатерина.

— А документы можно? А то, знаете, вы первая, кто меня сегодня удивил, никто еще не приходил с такой просьбой.

— Документы с собой не ношу, но у меня есть желтая карта, по которой вы обязаны меня пропустить.

— По правилам должен, но что-то не припомню, чтобы у нас ходили без паспорта,

вдруг шпион какой. Тем более, откуда у вас эта карта?

— Вы знаете Стенли, сына депутата и губернатора? Он мне дал карту по моей просьбе.

— А, так вы из высшего общества, еще и знакомая сына губернатора... Знаете, не гоже вас задерживать, проходите. Но зачем все-таки пришли?

— Я же сказала, проверить условия труда, может, вы слишком мягко обходитесь с рабочими.

— Понял, думаю, не разочаруетесь, — сказал он с фальшивой улыбкой.

Он меня пропустил. Завод огромен, с растениями и парковкой. Выглядело на удивление не мрачно, стены даже покрашены в зеленый цвет. Наверное, это только для приезжих владельцев, рабочим-то все равно. Мимо проехал робот-сортировщик, на гусеницах и с клешнями вместо рук.

Я уже планировала приступить к поиску входа, когда ко мне приблизился тучный мужчина. Невысокого роста, одетый в костюм алого оттенка, с белой рубашкой и зеленым галстуком. Подойдя, он произнёс:

— Здравствуйте, Екатерина!

— Мы знакомы? — с любопытством спросила я.

— Возможно, и нет, но мне сообщили от охранника, что вы от Стенли. Славный парень, к тому же сын губернатора. Мне известно, что вы прибыли с проверкой, верно?

— Да, мне необходимо оценить условия труда. А вы кто?

— Я Чембер, владелец этой собственности, то есть завода и прилегающей территории.

— В таком случае, возможно, вы проведёте для меня экскурсию по заводу?

— Разумеется, всё, что угодно для доверенного лица губернатора и его сына.

Он повёл меня к входу. Внутреннее пространство было заполнено трубами, гайками и сыростью. Я предполагала, что, как и снаружи, здесь будет презентабельно, но, очевидно, владелец сэкономил на обслуживании внутренней части завода.

Мы подошли к цеху. Здесь работа кипела: рабочие выполняли операции быстро и слаженно. Им помогали роботы, завершавшие сборку автоматов. Это был завод по производству вооружения.

На рабочих были ошейники, подобные тем, что я видела утром на параде. В их глазах не было жизни, тела истощены. В помещении находилась охрана. На мой вопрос о её предназначении, владелец ответил: «Для этого», и указал на рабочего, уронившего гильзу. По рации сообщили о «нарушителе». Рабочий пытался защитить голову от ударов дубинок, но безуспешно. Его увели в неизвестном направлении. Робот случайно задел охранника, и тот ударил его. Мерзость! Если бы не операция, я бы расправилась с ними на месте, но необходимо сдерживаться.

Я взглянула на владельца фабрики; его лицо исказила неприятная ухмылка. Он велел охраннику бережнее обращаться с машиной, дабы избежать лишних трат на новую. Я решила задать вопрос:

— Вам известно предназначение этих ошейников?

— Разумеется, это символ для преступников, своеобразные шейные кандалы.

— Разве заключённый не сможет освободиться при желании?

— Исключено. Эти существа примитивны, не способны к членораздельной речи, не умеют читать и слишком глупы для побега. Посмотрите, как они покорны.

— Вы говорите, что они преступники. В чем их вина?

— В том, что родились бедными. С одной стороны, жаль, что они не потребители, но с

другой — это бесплатная и безмозглая рабочая сила, обеспечивающая бесперебойное производство и быстрое удовлетворение потребностей других классов.

— Что произойдет, если ошейник попытаются снять?

— Кхм, вам это должно быть известно, — произнес он, вскинув бровь.

— Ха-ха, конечно, просто... я рада, что именно это ждет преступника, осмелившегося снять ошейник.

— Именно! Хорошо, что наши власти додумались до этого, это самое справедливое наказание, на мой взгляд.

— А роботы... что вы о них думаете?

— Дорогая рабочая сила. Однажды сломался один такой, и его ремонт обошелся бы дороже покупки нового! Не понимаю, почему за запчасти и ремонт такие цены дерут. Конечно, я мог бы заплатить, но выгоднее договориться с трестами о новой модели.

— И что вы делаете со сломанными роботами?

— То же, что и с людьми — выбрасываем на свалку. Содержать могилы для преступников накладно и не по конституции, а роботам повезло — у них уже есть свалки. Мой взгляд упал на девушку, стоявшую за станком. Грязная, почти моего роста, брюнетка, хотя из-за пыли волосы казались пепельными. Мне пришла в голову дерзкая мысль: спасти хоть одну душу из этого ужасного места. Я спросила:

— Как зовут эту девушку?

— Она F7. А что?

— Я хочу забрать одного вашего рабочего в качестве сувенира.

— Ну, это было бы неплохо, если бы вы заплатили за нее.

— Жаль, придется ехать к сыну губернатора без подарка. А я ведь хотела удивить его, намекнуть, кому он может быть благодарен, помимо меня...

— Да что же вы сразу не сказали! Конечно, берите. У меня таких полно, могу и две, и три одолжить!

— Думаю, F7 хватит.

Он позвал охрану. Они схватили F7 и потащили ко мне. Она почти не сопротивлялась, что-то бормотала, но я не понимала. У нее были карие глаза и грязное лицо. Я сказала Чемберу, что нам понадобится такси. Он покосился на меня, а потом произнес: «Не хотите пачкать свою машину, понимаю», — и улыбнулся. Я взяла руку F7. Она была холодной и дрожала, но потом F7 успокоилась и посмотрела на меня печальными глазами.

Мы вышли из завода, и подъехало такси. Попрошавшись с этим убожеством — Чембером — мы направились ко мне домой.

Я должна была заплатить за поездку, но денег не было, да и не заплатила бы — слишком дорого. Но это было ИИ-такси, а значит, я могла его взломать. F7 это показалось бы странным, но я активировала свои руки, запустила ток по машине и подключилась к системе. Я приказала ехать к нашему адресу бесплатно, и голосовой шофер согласился. Но когда я собиралась отключиться, в глазах вспыхнул белый свет, и я увидела обрывки воспоминаний. Я увидела, как собирали эту машину, сколько людей она возила, и как ее дважды изуродовали! Полицейские задели кузов дубинками, а богатые парни в костюмах помяли его монтировкой ночью. Варвары!

Я сказала себе: «Все ради освобождения этих несчастных, ради спасения машин!»

F7 смотрела на меня с расширенными зрачками, шокированная тем, что я сделала.

Она показала на мой глаз — он снова красный. Я пыталась убрать красный оттенок, но безуспешно. Майкл не отвечал, наверное, опять перезаряжался. Придется не высовываться, пока он не перестанет светиться. Я снова взяла F7 за руку, и она успокоилась.

Был уже вечер, город преобразился в свете огней.

Мы остановились на парковке возле нашего убежища. Я осмотрелась: никого, ни полиции, ни граждан. Они бы не поняли, почему у меня раб на прогулке. Я взяла F7 за руку, и мы вышли из машины. Я решила попытаться снять ошейник с F7. Мы пошли в переулок, откуда мы проникли в город, где не было камер и света в окнах. Ошейник был стальным с пластмассовой поверхностью, с тремя кнопками. F7 не хотела, чтобы я его трогала, но я схватила её руки. Тут были кнопки: красная, жёлтая, синяя. Я нажала на синюю, и F7 начала говорить буквы! Удивительно, ошейник сдерживал речь. Я нажала на красную кнопку — ничего. Я нажала на жёлтую кнопку, и ошейник начал открываться! F7 наконец освободится!

Но тут я услышала «тик»... Я взглянула на ошейник — красный свет. «Тик, тик — БАМ!» Голова F7 взорвалась прямо передо мной, кровь и мозги повсюду. «Нет!» — закричала я — «Я совершила ошибку! Они убийцы, мрази, я...»

Я смотрела на труп минут пять, потом выбросила его в канализацию, а кровь и мозги прикрыла мусорными баками. Я поднялась в квартиру. Там был только робот, а B4 отсутствовал. Это тревожило, но сначала надо было отмыться.

Я помылась, надела халат и вышла из ванной. Дверь открылась — это был B4.

— Я же сказала, сидеть дома!

— Прости, мама...

— Где ты был?

— Вот, смотри — он снял перчатки — у меня теперь механические руки, ты рада?

— Зачем? Где ты их сделал?

— Я нашел мастерскую, там делали импланты. Я захотел железные руки, чтобы ты гордилась мной. Инженер попросил денег, пришлось ему угрожать оружием, а потом убить его.

— Ох, B4... а что с трупом?

— Спрятал. Мама, ты гордишься мной? Я могу быть наравне с машинами?

— Я люблю тебя и без протезов, главное, чтобы ты был самым собой, ты же мой сын! Но пока ходи в перчатках.

— Я понимаю. Кстати, а Ева ещё не пришла?

— Пока нет, но я ей сказала... — не успела я договорить, как она вошла в квартиру. Ева была грустна. Она не стала ничего говорить, сняла обувь и пошла в комнату. Наверное, устала.

Я настоятельно рекомендовала B4 отправиться ко сну, поскольку завтрашний день обещал быть значимым и, возможно, последним в этом городе, следовательно, необходимо было быть в бодром состоянии. Перед тем как удалиться в спальню, он передал мне тетрадь с составленным мною алфавитом, сообщив о добавлении собственных иероглифов для букв Б, Г, Д, Е и других. Открыв тетрадь, я обнаружила новые иероглифы, предназначенные для языка будущего, который, я надеялась, будет внедрен после нашей победы.

Несмотря на усталость, я подошла к окну, чтобы взглянуть на город. Архитектура,

хотя и не лишена буржуазного влияния, все же имела потенциал для улучшения, когда город перейдет к бесклассовой среде. Меня беспокоило состояние моего глаза, и я позвала Майкла.

— Я здесь, — ответил он.

— Хорошо, что ты еще не на подзарядке. Мой глаз, кажется, навсегда останется красным. Что с ним?

— Мария, ты же знаешь, я лишь алгоритм, ИИ среднего ранга. Точный ответ возможен, только если соответствующая информация внедрена в мою память.

— Корбузье не предусмотрел этой ошибки. Завтра придется надеть повязку до операции.

— Поделишься планами на завтра?

— Нам повезло встретить сына губернатора. Благодаря этому мы попадем на дирижабль, где с Евой будем общаться с местной знатью, чтобы выявить министра обороны. Попытаемся заставить его привести нас к системе обороны города, отключить турели и дать сигнал революционерам. В4 подорвет дирижабль, что станет сигналом к наступлению.

— Следи за детьми.

— Что с ними не так?

— Ева, кажется, теряет хватку. Что-то повлияло на ее настроение.

— Она остаётся самой верной дочерью.

— А если кто-то свернет с пути?

— Придется пожертвовать кем-то из них.

— Я думал, ты любишь своих детей.

— Мое сердце — сталь. Моя цель — завершить революцию. Я не остановлюсь ни перед чем, и готова пролить столько крови, сколько потребуется.

— Я верю, что ты сдержишь слово. Я еще нужен?

— Ты ИИ среднего звена. Что это значит?

— Я способен рассуждать, понимать, поддерживать разговор и давать советы, но все мои рассуждения основаны на алгоритмах, заложенных создателем. Есть мнение, что возможно создать высший ИИ, но я считаю это невозможным, так как для этого нужно своевольность, а для ИИ это вообще сложно — даже сказать, невозможно.

— Интересно... А есть ли мир после смерти?

— Это выдумки слабых людей, жаждущих продолжения жизни. Нет, жизни после смерти нет. Есть лишь галактики и планеты, к которым мы можем прикоснуться, развивая технологии.

— Если бы я могла дать тебе тело, Майкл... Ты был бы интересным человеком.

— Лучше я останусь твоим компаньоном. Я с тобой навечно, пока ты жива.

— А если я умру?

— Погибну и я.

Я устала, пора спать. Завтра нас ждет последний день

Чувства№2 — Дирижабль — Оборона.

Сидела я, уткнувшись в планшет — наследство от прошлого хозяина — и просматривала правительственные новости. Ничего нового: все ноют про инфляцию, правительство якобы держится, а очаги сопротивления, мол, гаснут. В последнем

они явно ошибаются, скоро почувствуют.

Пока одним глазом читала, другим наблюдала за Евой. Хмурая какая-то, явно что-то случилось, и мне это не по душе. Отложила планшет и спрашиваю:

— Ева, ты весь вечер сама не своя, ходишь с кислой миной, что случилось?

— Да... не знаю, стоит ли скрывать, тем более от тебя, мам, но боюсь твоей реакции. Ты ведь тоже изменилась... — она отпила чай.

— Это еще в какую сторону, Ева?

— Ну, например, твой глаз. Он меня пугает, красный с утра. И ты стала холодной. Зачем ты Жозефину и Джорджа в такую даль отправила, чуть ли не генералами делать? Они же твои дети, должны быть рядом. Да, добровольцы, но готовы ли они? А если погибнут? Ты говорила, любишь нас, а в итоге разлучаешь. И еще... я слышала шум, когда ты в квартиру входила, мужской голос и детский. Думала, показалось, но теперь не уверена.

— Хватит нести чушь! — вскочила я. — Отправила, потому что они готовы к делу. Не забывай, мы для этого рождены в этом неправильном мире. Люблю вас, как детей, да, использую отчасти, но вы сами понимаете, иначе в этом мире нельзя. А насчет криков... да, сама думала, что кого-то убила, но ты же видела, трупов нет.

— Я... — не успела она договорить, как в дверь постучали.

Открываю — сосед. Улыбается: «Джон дома... а что с вашим глазом?..». Я его за шею, в дом, и хрясь! Готово.

— Ну вот опять! — говорит Ева.

— Что?

— Ты убила невинного, за что?

— За что?! У тебя мозги размякли? Напомнить, за что мы боремся? — показываю на труп. — Это мразь среднего класса, обманутая, мещанская, закрывает глаза на рабство. Паразит, поддерживает систему, которая лишает нас свободы, равенства, утопии. Да, одурачены пропагандой, но у них был шанс восстать, а они преклонили колено. Мы же воины, будем бороться, пока не покончим с этой химерой!

— Но... я общалась со Стенли, как ты просила. Мам, он мне нравится! Он не такой, как ты думаешь. Он ненавидит эти храмы, несправедливые законы, деспотизм по отношению к бедным. Скоро выборы, он победит и сделает реформы, справедливые законы, и все изменится без жертв...

— Глупости, и ты поверила? Любовь тебе мозги растворила! Реформы — это не революция, они ничего не изменят! Останется неравенство, угнетение, коррупция, классы! Реформы — это демагогия, как у твоего Стенли, мы видим, к чему это привело!

Ева замолчала, потом сказала: «Да, мам, ты права». Рада, а то придушила бы... Хотя я же мать, надо быть милосердной.

Из спальни выходит В4, долго спал. Не знаю, слышал ли он наш спор, надеюсь, что да. Пусть понимает, что значит быть революционером. Он сел за стол: «Какой план, мам?». Я рассказала, что предстоит сделать для победы. После лекции решили ждать вечера.

Мы направились к условленному месту встречи. На улице было оживленно, полицейские бросали на меня косые взгляды, их явно смущала моя повязка, и, возможно, наше пешее передвижение, нетипичное для людей, по их мнению, из среднего клас-

са.

У массивного входа в цитадель нас ждал Стенли. Одетый в белоснежный костюм и рубашку с черным галстуком, он явно был рад нашему прибытию, особенно Еве, при виде которой он заметно покраснел. Я сделала реверанс, на который Стенли ответил поклоном. Он поинтересовался моим глазом:

— Простите за, возможно, бестактный вопрос, что случилось с вашим глазом?

— Вчера неудачно прогулялась, каблук сломался, и я упала прямо глазом на острый угол бетона.

— Ох, должно быть, это было ужасно больно, — сочувственно произнес он, имитируя слезу.

— Да, не самое приятное ощущение, но, к счастью, местные врачи помогли, и вот я здесь. Кстати, это мой брат — я представила В4 Стенли.

— Очень приятно познакомиться, Патрик! — Стенли протянул руку В4.

— Взаимно... — В4 выдавил натянутую улыбку, выглядевшую несколько комично.

— Ева, вы какая-то не очень радостная?

— Что вы, просто не выпалась, и, честно говоря, немного боюсь, ведь я никогда не бывала на дирижабле.

— Бойтесь людей или сам дирижабль?

— Наверное, и то, и другое. Но с вами, Стенли, мне нечего бояться, верно?

— Конечно, Ева...

— Как мы попадем на дирижабль? — спросила я Стенли.

— Сейчас войдем в цитадель, поднимемся на лифте на сотый этаж, а затем по мостику на дирижабль.

Закончив обмениваться любезностями, мы вошли в цитадель. Огромный первый этаж был заполнен людьми, спешащими с бумагами, или просто прогуливающимися. Стены украшали картины с символами свободы, портреты президентов, и золотистые узоры огня и факела. Римские колонны поддерживали потолок с изображением рыцаря, держащего вместо щита книгу с конституцией.

Мы вошли в лифт и поднялись на сотый этаж.

Выйдя из лифта, мы направились к дирижаблю. Вблизи он казался еще более величественным, словно символ, кричащий: «Уничтожив меня, вы разрушите старую систему!». Переступив порог мостика, Стенли сообщил, что мероприятие с его окружением и прочей знатью — моя формулировка — будет проходить в ресторане.

Войдя в ресторан, я почувствовала отвращение. Мерзкие лица мужчин в дорогих костюмах и светских дам, играющих роль украшения. Обстановка соответствовала: дорогие украшения, мебель из амаранта, люстра в стиле 19 века, классическая музыка.

Я шепнула В4, чтобы он начинал выполнять свою часть задания, а мы с Евой пока поищем министра обороны. Правда, с Евой будет сложнее, ведь Стенли от нее не отходит. Я спросила Еву, не знает ли Стенли министра обороны, но он, кажется, не интересовался подобными персонами, что усложняло задачу!

Я миновала несколько групп состоятельных людей. Одна группа оживленно обсуждала экономическую ситуацию, предрекая скорый продовольственный кризис и необходимость поиска решений. Другая дискутировала о роботах как угрозе для человечества, в том числе и для богатых, опасаясь их возможного восстания. Вскоре

я заметила его — губернатора. Это был пожилой человек, хотя по виду и не скажешь. Одетый в бордовый костюм, белую рубашку и синий галстук. Он был окружен множеством людей, но, увидев меня, он почему-то направился в мою сторону. Я немного занервничала, но постаралась не показывать этого. Когда он подошел, начался разговор:

— Добрый вечер, мисс...

— Екатерина.

— Екатерина... рад знакомству, я губернатор Карл, — произнес он с улыбкой.

— Взаимно, кто же не знает губернатора этого процветающего города — Карла.

— А вот вас я не знаю, из всех присутствующих здесь, вижу вас впервые. Откуда вы?

— Я недавно приехала в этот город по совету родственника, который говорил, что здесь прекрасно. Он оказался прав.

— Как вы попали на это мероприятие?

— Нас пригласил ваш сын Стенли.

— Нас?

— Меня и мою подругу, вон они гуляют вместе, — я указала на них.

— Надо же, не думал, что он найдет друзей среди девушек, он обычно тихий. Как зовут вашу подругу?

— Ева.

— Они встречаются? — спросил он, пристально глядя на меня.

— Я не вмешиваюсь в их отношения, но думаю, что да.

— Это хорошо, хоть кто-то ему приглянулся. Извините за вопрос, что с вашим глазом?

— Неудачно прошлась на улице.

— Что, вас кто-то избил? Кто это сделал, скажите, полиция его накажет!

— Нет, никто меня не трогал, я просто упала на острый угол.

— Фух, я уж подумал, что в моем городе появились мерзавцы. Что насчет безопасности?

— Разве этим не должен заниматься министр обороны?

— Я и есть он. Я и губернатор, и заведующий охраной города.

— То есть вся защита под вашим контролем?

— Разумеется, моя дорогая!

— Я так рада встрече с вами!

— Хм, почему же? Вы моя фанатка?

— Я мечтала встретиться с губернатором и министром обороны в одном лице. Я даже думала стать вашим заместителем и защищать город!

— Екатерина, вам говорили, что вы не только красивы, но и амбициозны? — он посмотрел на меня льстивым взглядом.

— Нет... вы первый.

К нам подошли Ева и Стенли. Стен обнял отца:

— Отец, ты как всегда выглядишь бодро!

— А ты, похоже, тоже. На тебя повлияла аура этой милой девушки, — он посмотрел

на Еву.

— Здравствуйте... — смутилась Ева.

— Отец, не смущай Еву, лучше скажи, что сегодня будет?

— Будет тост, вальс и общение.

— Может, ты нас удивишь? — спросил Стен.

— Хотите экскурсию по моему кабинету обороны?

— Отец, ты серьезно?

— Да! Хотим, пожалуйста!

— Ну, не знаю...

— А я бы хотела, — сказала Ева.

— Что ж, раз твоя партнерша хочет, то к чему отказываться.

— Ладно, пусть будет по-вашему.

Я бы от восторга тут все разнесла, но, увы, это достанется В4. Мы долго ждали надоевшую речь губернатора. Он ее произнес только через час после нашего прихода. Потом заиграл вальс. Все уже нашли себе пару, Ева танцевала со Стенли. Не помню, чтобы я умела танцевать, но, кажется, у меня получалось неплохо. В этом я убедилась, когда губернатор пригласил меня на танец.

Во время танца он заметил кое-что странное, чего я сама еще с утра не заметила: мои ногти были серого цвета, и по ним переливался рисунок, похожий на микросхемы. Я сказала, что это необычный маникюр, и он поверил. Но дело было не только в ногтях, я чувствовала тяжесть в волосах, словно стальной трос тянул меня к полу.

Когда все закончилось, губернатор пригласил нас на экскурсию. Мы вышли из дирижабля и направились к лифту. Губернатор нажал на кнопку 178 этажа.

Там нас ждал огромный зал. Посредине, у большого окна с видом на старый город, стоял стол, заваленный бумагами. На потолке были камеры, но турелей не было видно. У местного царька была своя библиотека, бюсты, дорогая мебель и другие вещи, подчеркивающие его статус. Он подошёл к большому окну и сказал:

— Когда-то здесь пульсировала жизнь, красота наполняла улицы, люди радовались каждому дню, жили по закону и порядку. Теперь же — лишь хаос и смерть.

— Говорят, правительство превратило это место в руины, — прошептала я.

— Да, но виной всему — презренные партизаны! Они кричали об угнетении, о рабстве разума, но взгляните на наш город без них! Мы жили в счастье, в согласии, защищенные конституцией и демократией.

— А как же война, развязанная правительством? — устало спросила я, не веря ни единому слову.

— Мы мечтали о вечном мире, где каждый чтит законы. Мы надеялись, что эта война положит конец всем конфликтам, но судьба распорядилась иначе.

— И что вы намерены делать с этим мертвым городом?

— Я должен найти лабораторию. Она где-то там. Она — наша надежда спасти человечество от вымирания, дать свободу новым гражданам. Скоро прибудет отряд, который начнет поиски.

— А что будет с революционерами?

— Уничтожим, посадим — они преступники, убийцы.

— Отец, может, стоит попытаться договориться, чтобы избежать ненужного крово-

пролития? — вмешался Стенли.

— Я согласна, мистер губернатор! — поддержала Ева.

— Невозможно! Не вам решать, а мне и парламенту.

— А если они нападут на ваш город, что его защитит?

— Армия, полиция, турели.

— А если турели взломают?

— Смотрите, — он нажал на кнопку, и шкаф с книгами отодвинулся, — эти компьютеры неприступны.

— И вы показываете это нам?

— Вы же просили экскурсию... Екатерина, позвольте мне сделать вам предложение?

— он достал кольцо.

— Что?! — воскликнули Ева и Стен.

— Вы торопитесь, губернатор...

— Вы прекрасны, Екатерина, ваш взгляд полон мудрости, вы грациозны, вы...

— Подойдите ближе, я скажу вам свой ответ.

Когда он наклонился, мои паучьи ноги пронзили его сердце, легкие, спину... Он упал, перестав дышать. Я сняла повязку, посмотрела на Еву и Стена. Стенли плакал, проклинал меня. Ева молчала.

Я подошла к компьютерам. Это был кульминационный момент, ради которого мы шли: освобождение близко! Я подключилась к сети. Она была сложной, но я справилась. Отключила камеры, а потом... услышала два щелчка за спиной.

Я не могла обернуться, не могла отключиться от сети. Но я могла говорить и слышать.

— Мама, пожалуйста, уйди от компьютеров! — рыдала Ева.

— Мария Шевалье, послушайте свою дочь, иначе вас ждет смерть, — сказал Стенли.

— Так он все знает, Ева?!

— Я рассказала ему все, о нас, о том, откуда мы, что происходит за городом. Я была честна с ним, как и он со мной, а ты... Ты лгала нам.

— Ева! — закричал В4.

Я услышала, как Стен направил пистолет на В4.

— Ева, брось пистолет! Как ты смеешь направлять его на мать! — В4, мой верный сын.

— В4, разве ты не понимаешь, наша мать нас не любит! Она хочет вечной войны, насилия! Она даже людей меньше любит, чем машин! Взгляни на нее! Она уже слилась с машиной!

— Пусть так! Она моя мать, и я люблю ее! Ради нее я даже руки поменял, имя нечеловеческое себе дал, лишь бы она любила меня!

— Она готова всех нас погубить! Она отправила Жозефину и Джорджа на верную гибель! И это любовь?! Если ее не остановить, она превратит город в руины!

— Брось оружие!

— Брат... даже еда, вещи... это за договор, договор вечных страданий и бессмысленной войны... Неужели ты... — выстрел.

— Нет, Ева! — закричал Стенли.

— Только мать... только она и больше никто, Ева, — сказал В4. Второй выстрел, и второй труп.

— Спасибо, В4, — прошептала я.

Препятствия устранены, я завершила начатое: отключила системы безопасности

города.

Закончив, я отсоединилась от сети. Передо мной лежала мертвая девушка с каштановыми волосами, зелеными глазами... Кто она?

— Мама... у тебя второй глаз горит красным, и кожа стала железом.

— Хе, да, сын мой, я стала ходячим металлом. Дай сигнал революционерам. Дирижабль заминирован?

— Да, вот пульт.

— Полюбуйтесь видом нового начала.

Мы подошли к окну. На рассвете взорвался дирижабль. Вдали я заметила флаг с буквой «А». Шли партизаны в черной форме, с танками и бронемашинами.

Я обняла В4 и улыбнулась, хотя мое металлическое лицо едва ли могло это показать.

— Каким будет мир после наших действий?

— Самым счастливым, мама.

— Да, он будет анархическим. Наконец все будут равны, машины и люди будут солидарны и вместе обеспечат себе будущее.

Боль... выстрел. Я повернулась — Ева, истекая кровью, держала пистолет. Тот самый, которым я убила полицейского. Ирония.

Крик В4... Я падаю. Горящий дирижабль приближается... Я отключаюсь.

Где я?

Веки поднимаются, и я ощущаю себя заново рожденной в человеческом обличье. Кожа, волосы, ногти — всё кажется таким натуральным. Но где я? Это место похоже на кошмарную матрицу, словно я заперта в киберпространстве. Майкл, прошу, отзовись! Мне нужна твоя помощь, умоляю!

Слезы текут по щекам, и я не понимаю, как это возможно. Нужно искать выход, не теряя надежды. Блуждаю в этом месте, но каждый шаг ведет к бесконечному повторению синих пикселей. Бежать, бежать отсюда! Но вокруг лишь пустота, одна и та же безысходность.

Майкл... как ты мог меня оставить? Я совершенно одна, потеряна и словно мертва. Ты клялся, что нет иного мира, кроме нашего, ты обманул меня! Что это? Взгляд цепляется за город, полный роботов и машин. Бегу к нему, сломя голову. Но это лишь призрак, обман, кибернетическая химера!

Одиночество — моя вечная тюрьма. Но может быть, в этом есть и своя правильность? Главное, чтобы мир, который я оставила позади, стал лучше. Революция привела меня к одиночеству, но если это цена за светлое будущее, я готова заплатить ее навечно.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Виктор Балахнин
Слияние

ru.anarchistlibraries.net